A decorative border with symmetrical floral and scrollwork patterns in a dark green color, framing the central text.

24 вида горы Фудзи кисти Хокусая

**Роджер Джозеф
Желязны**

Премия за достижения в научной фантастике (Премия "Хьюго") в 1986 г. (категория "Повесть").

- 24 вида горы Фудзи кисти Хокусая
 - 1. Вид горы Фудзи от Овари
 - 2. Вид горы Фудзи из чайного домика в Иошиде
 - 3. Вид горы Фудзи от Ходогайя
 - 4. Вид горы Фудзи от Тамагавы
 - 5. Вид горы Фудзи от Фукугавы в Эдо
 - 6. Вид горы Фудзи от Кайиказавы
 - 7. Вид горы Фудзи от подножия
 - 8. Вид горы Фудзи от Тагоноуры
 - 9. Вид горы Фудзи от Наборито
 - 10. Вид горы Фудзи от Эджери
 - 11. Вид горы Фудзи от Мишима-Го
 - 12. Вид горы Фудзи со стороны озера Кавагучи
 - 13. Вид горы Фудзи от Коишикава в Эдо
 - 14. Вид горы Фудзи от Мегуро в Эдо
 - 15. Вид горы Фудзи от Тсукудайима в Эдо
 - 16. Вид горы Фудзи от Утезава
 - 17. Вид горы Фудзи от озера Сува
 - 18. Вид горы Фудзи от Оффинг в Канагава
 - 19. Вид горы Фудзи от Шихиригабама
 - 20. Вид горы Фудзи с перевала Инуме
 - 21. Вид горы Фудзи от гор Тотоми
 - 22. Вид горы Фудзи от горы Сумида в Эдо
 - 23. Вид горы Фудзи от Эдо

24 вида горы Фудзи кисти Хокусая

1. Вид горы Фудзи от Овари

Кит жив, хотя он похоронен неподалеку отсюда, а я мертва, хотя я вижу розовый вечерний отблеск на облаках над горой вдалеке и дерево на переднем плане для подходящего контраста. Старый бондарь превратился в пыль; его гроб тоже, наверное. Кит говорил, что любит меня и я говорила, что люблю его. Мы оба говорили правду. Но любовь может означать много вещей. Она может быть орудием нападения или проявлением болезни.

Меня зовут Мэри. Я не знаю, будет ли моя жизнь соответствовать тем формам, в которые я переселюсь в этом паломничестве. Но не смерть. Итак, начинаю. Любой отрезок круга, как этот исчезающий обруч бочонка, мог бы привести в то же самое место. Я должна прийти для убийства. Я порождаю скрытую смерть, в противоположность секрету жизни. И то, и другое неустойчиво. Я взвешивала и то, и другое. Если бы я была посторонней, я не знала бы, что выберу. Но я здесь, я, Мэри, следующая магическим путем. Каждый момент целостен, хотя у каждого есть прошлое. Я не понимаю причин, только следствия. И я устала от игр изменения реальности. Все будет становиться яснее с каждым успешным шагом моего путешествия и как тонкая игра света на моей магической горе, все должно измениться. В каждый момент я должна немного умереть и немного возродиться.

Я начинаю здесь, так как мы жили недалеко отсюда. Я была здесь раньше. Я вспоминаю его руку на моем плече, его иногда улыбающееся лицо, его груды книг, холодный, плоский глаз терминала его компьютера, снова его руки, сложенные в медитации, его улыбка теперь другая. Далеко и рядом. Его руки на мне. Сила его программ, расколоть коды, затем собрать. Его руки. Смертельно.

Кто бы мог подумать, что он уступит этому быстро разящему оружию, деликатным инструментам, изгибам тел? Или я сама? Пути...

Руки...

Я должна вернуться. Вот и все. Я не знаю, достаточно ли этого.

Старый бондарь в облуче своей работы... Наполовину полный, наполовину пустой, наполовину деятельный, наполовину бездеятельный... Могу ли я вести себя как инь и янь этой известной гравюры? Могу ли считать, что она символизирует Кита и меня? Могу ли я рассматривать ее как великий Ноль? Или как бесконечность? Или все это слишком очевидно? Одно из этих утверждений лучше оставить незаконченным? Я не всегда деликатна. Пусть оно будет. Фудзи стоит внутри него. А разве не на Фудзи нужно подняться, чтобы дать отчет о своей жизни перед Богом или богами?

У меня нет намерения подниматься на Фудзи, чтобы давать отчет Богу или кому-нибудь еще. Только неуверенность и неопределенность нуждаются в оправдании. Я делаю то, что должна. Если у богов есть вопросы, они могут спуститься вниз с Фудзи и спросить меня. С другой стороны, между нами тесное согласие. Такое, преодоление пределов которого может быть одобрено только издалека.

Действительно. Я единственная из людей знаю это. Я, которая попробовала запредельность. Я знаю также, что смерть это – только бог, который приходит, когда его зовут.

По традиции хенро – пилигрим – должен быть одет во все белое. Я нет. Белое не идет мне, и мое паломничество – частное дело, тайная вещь, до тех пор, пока я смогу его выдержать. Сегодня я надеваю красную блузу, жакет и слаксы цвета хаки, кожаные туристские ботинки; я подвязала волосы, в рюкзаке за

спиной все необходимое. Я все-таки беру посох, отчасти для того, чтобы опираться, что иногда бывает нужно, отчасти как оружие, которое может понадобиться. Я сторонник его применения в обоих случаях.

Посох, как сказано, символизирует веру в паломничество. Вера – это вне меня. Я останавливаюсь на надежде.

В кармане моего жакета лежит маленькая книжка, содержащая репродукции двадцати четырех из сорока шести картин Хокусая с видами горы Фудзи. Это подарок, очень давний. Традиция выступает против паломничества в одиночку, в целях безопасности и товарищеского общения. Итак, дух Хокусая – мой компаньон, так как он присутствует в тех местах, которые я хотела бы посетить, так же, как и повсюду. Мне больше не нужны никакие компаньоны, и что за японская драма без привидений?

Охватывая взглядом эту сцену и думая мои думы и чувствуя то, что я чувствую, я начинаю. Я немного жива, немного мертва.

Мой путь не будет полностью пешим. Но большая часть пути – да.

Есть определенные вещи, которых я должна избегать в этом путешествии приветствий и прощаний. Простодушие – мой темный плащ и, вероятно, пешая прогулка будет для меня полезной.

Я должна следить за моим здоровьем.

2. Вид горы Фудзи из чайного домика в Йошиде

Я изучаю репродукцию: мягкая голубизна рассветного неба, слева Фудзи, на которую через окно чайного домика смотрят две женщины; другие изогнутые, сонные фигуры, как куклы на полке...

Здесь уже не та дорога. Они ушли, как бондарь – люди, чайный домик, рассвет. Только гора и репродукция помнят момент. Но этого достаточно.

Я сижу в столовой гостиницы, где я провела ночь, мой завтрак съеден, чашка чая передо мной. В комнате есть еще обедающие, но не рядом со мной. Я выбрала этот стол из-за вида, открывающегося из окна и напоминающего вид на репродукции. Хокусай, мой молчаливый компаньон, мог бы улыбнуться. Погода была достаточно благосклонна, чтобы я могла заночевать под открытым небом, но я ужасно серьезно отношусь в моем паломничестве к подозрительным ситуациям в этом путешествии между жизнью и смертью, которое я предприняла. Это отчасти причина поиска, и частично причина ожидания. Вполне возможно, что она может исчезнуть в любой момент. Я надеюсь, что нет, но жизнь редко соответствует моим надеждам – или, что то же самое, логике, желанию, опустошенности, или чему-то другому, относительно чего я их измеряю.

Все это неподходящее отношение и занятие для ясного дня. Я выпью мой чай и посмотрю на гору. Небо меняется на глазах...

Изменения... Я должна соблюдать осторожность, когда я буду покидать это место. Есть границы, которые не должны быть нарушены и предосторожности, которые должны быть выполнены. Я продумала все свои движения – от того, как поставлю чашку на стол, поднимусь, повернусь, возьму свои вещи, пройду – до тех пор, как я снова буду на природе. Я должна все еще следовать образцам, потому что мир – числовая ось, повсюду плотная. У меня очень малый шанс быть здесь.

Я не так сильно устала после вчерашнего перехода, как думала, и я принимаю это за хороший знак. Я старалась поддержать приличный вид, несмотря ни на что. Картина на стене справа от меня изображает тигра, и мне хочется, чтобы это тоже был хороший знак. Я родилась в год Тигра, и сильное и бесшумное движение большой полосатой кошки – это то, что мне больше всего нужно. Я пью за тебя, Шер Хан, кот, который гуляет сам по себе. Мы должны быть твердыми в нужное время, нежными в подходящий момент. Выждать...

Во-первых, мы были связаны почти телепатически, Кит и я.

Нас тянуло друг к другу, и даже сильнее в те годы, когда мы были вместе, Шер Хан, в джунглях сердца. Сейчас мы охотники.

Ожидание окончилось – и саки, начало...

Я наблюдала изменения на небе до тех пор, пока все небо не стало одинаково светлым. Я допила чай. Поднялась, взяла свои принадлежности, надела рюкзак, взяла посох. Я направилась через короткий холл, который вел к задней двери.

– Мадам! Мадам!

Это один из местных служащих, маленький человечек с испуганным выражением лица.

– Да?

Он кивнул в сторону моего рюкзака.

– Вы покидаете нас?

– Да.

– Вы не отметили отъезд.

– Я оставила плату за комнату в конверте на туалетном столике. На нем написано «плата за проживание». Я подсчитала необходимую сумму.

– Вы должны зарегистрировать отъезд.

– Я не отмечала свой приезд. Я не буду отмечать отъезд. Если вы хотите, я могу проводить вас до комнаты, чтобы показать, где я оставила плату.

– Извините, но это должно быть сделано кассиром.

– Извините меня тоже, но я оставила плату и не буду

отмечаться.

– Это нарушение. Я должен буду позвонить управляющему.
Я вздохнула.

– Нет. Я не хочу этого. Я пройду через вестибюль и отмечу выезд, так же как и въезд.

Я замедлила шаги и повернула в сторону вестибюля.

– Ваши деньги, – сказал он. – Если Вы оставили их в комнате, Вы должны пойти и принести их.

Я отрицательно покачала головой.

– Я оставила и ключ.

Я вошла в вестибюль. Подошла к креслу в углу, самому дальнему от конторки. Села.

Маленький человечек следовал за мной.

– Будьте добры, скажите им, что я хочу зарегистрировать отъезд – попросила я его.

– Ваша комната номер...

– Семнадцать.

Он слегка поклонился и направился к стойке. Он говорит с женщиной, которая бросает на меня несколько взглядов. Я не могу слышать их слов. В конце-концов он берет ключ и уходит. Женщина улыбается мне.

– Он принесет ключ и деньги из Вашей комнаты, – говорит она.

– Вам понравилось у нас?

– Да, – отвечаю я. – Если он позаботится об этом, я, пожалуй, пойду.

Я начинаю подниматься.

– Пожалуйста, подождите, – говорит она, – сейчас я все сделаю и дам Вам квитанцию.

– Мне не нужна квитанция.

– Мне необходимо отдать ее Вам.

Я снова усаживаюсь. Я держу мой посох между коленями. Я вцепилась в него обеими руками. Если я попытаюсь уйти сейчас, она, вероятно, позовет управляющего. Я не желаю привлекать к моей особе еще больше внимания.

Я жду. Я контролирую дыхание. Я освободила сознание.

Через некоторое время человечек возвращается. Он передает ей ключ и конверт. Она шуршит бумагой. Она вставляет бланк в машину. Нажимает кнопки. Вытаскивает бумагу из машины и осматривает ее. Считает монеты в моем конверте.

– Вы оставили правильную сумму, миссис Смит. Вот Ваша квитанция.

Она отрывает верхнюю часть листа.

Что-то происходит в воздухе, будто луч света упал сюда

секундой ранее. Я быстро вскакиваю на ноги.

– Скажите пожалуйста, это частная гостиница или филиал?

При этом я двигаюсь вперед, так как знаю ответ наперед.

Ощущение усиливается, локализуется.

– Это филиал, – отвечает она, оглядываясь в затруднении.

– С центральной конторой?

– Да.

Особым способом, когда ощущения объединяются с действительностью, я вижу, что эпигон, похожий на летучую мышь, устраивается рядом с ней. Она уже чувствует его присутствие, но не понимает. Моя обязанность – мо чи ч'у, как говорят китайцы, немедленное действие, без раздумий и колебаний – поэтому я подхожу к конторке, кладу мой посох под подходящим углом, наклоняюсь вперед, как будто бы собираюсь взять квитанцию, и слегка подталкиваю посох так, что он скользит и падает, перелетая через конторку, его маленький металлический наконечник попадает в гнездо терминала компьютера. Верхний свет гаснет немедленно. Эпигон съезживается и рассеивается.

– Перебой с электричеством, – замечаю я, поднимая мой посох и поворачиваясь. – До свидания.

Я слышу, как она приказывает служащему проверить щиток.

Я выхожу из вестибюля и захожу в комнату отдыха, где принимаю таблетку, так, на всякий случай. Затем я возвращаюсь в небольшой холл, пересекаю его и покидаю здание. Я рассчитывала, что это произойдет раньше или позже, так что я не была не готова.

Сверхмалого напряжения внутри моего посоха было достаточно для этого случая, и в то же время, как я надеялась, это могло случиться позже. Но, вероятно, лучше для меня, что это произошло сейчас. Я чувствую себя более живой, более настороженной после этой демонстрации опасности. Это ощущение, это знание полезно мне.

И он не достиг меня. Все закончилось ничем. Основная ситуация осталась неизменной. Я счастлива, имея преимущество столь малой ценой.

Я хочу выйти прочь и войти в природу, где я сильнее, а он слабее.

Я вхожу в свежий день, кусок моей жизни сверх утреннего момента созерцания горы.

3. Вид горы Фудзи от Ходогайя

Я нахожу место изогнутых сосен на Токайдо и останавливаюсь, чтобы посмотреть на Фудзи из-за них. Путешественники, которые проходят во время первого часа моего бодрствования, не похожи на путешественников Хokusая, но это неважно. Лошадь, носилки, голубые одеяния, большие шляпы – все в прошлом, путешествует только на картине. Купец или дворянин, вор или слуга – я смотрю на них как на пилигримов того или иного сорта. Моя болезненность, спешу я добавить, является причиной того, что мне нужно добавочное лечение. Однако сейчас я хорошо себя чувствую, и не знаю, медикаменты или медитация обусловили мою повышенную чувствительность к тонкостям света. Кажется, Фудзи почти движется под моим пристальным взглядом.

Паломники... Я была бы не против путешествовать с Мацуо Басе, который сказал, что все мы путешественники каждую минуту своей жизни. Я вспоминаю также его впечатления от заливов Мацусима и Кисагата – первый обладает искрящейся прелестью, а второй – прелестью плачущего лица. Я думаю о виде и выражениях Фудзи и захожу в тупик. Печаль? Покаяние? Радость? Воодушевление? Они соединяются вместе и разворачиваются. У меня нет гения Басе, чтобы выразить это в простой характеристике. И даже он... Я не знаю. Похожесть говорит о похожести, но описание должно пересечь бездну.

Восхищение всегда содержит в себе недостаток понимания.

Этого достаточно для того момента, чтобы увидеть.

Паломники... Я думаю также о Чосере, когда смотрю на картину. Его путешественники хорошо проводили время. Они рассказывали друг другу грязные истории и стихи, присоединяя в конце мораль.

Они ели и пили и обманывали друг друга. Кентербери был их Фудзи. У них была вечеринка всю дорогу. Книга кончается перед тем, как они прибывают. Подходяще.

Я не без чувства юмора. Может быть, Фудзи действительно смеется надо мной. Если так, я очень бы хотела присоединиться к ней. Мне действительно не нравится мое теперешнее настроение и капелька медитационного перерыва не помешала бы, если бы был подходящий объект. Рыдающее таинство жизни не может продолжаться все время на самых высоких нотах. Если они могут сделать перерыв, я не против. Завтра, быть может...

Черт побери! Мое присутствие наконец должно быть замечено, в противном случае эпигон не появился бы. Я была очень осторожна. Подозрение – это еще не уверенность, и я надеюсь, что мои действия были достаточно решительными, чтобы предотвратить подтверждение. Мое теперешнее местонахождение вне досягаемости и знания. Я снова возвращаюсь к Хокусаю.

Я хотела бы провести остаток моих дней на тихом Орегонском берегу. Место не без своих особенностей. Но я полагаю, именно Рильке сказал, что жизнь – это игра, которую мы должны начинать, не узнав хорошенько ее правил. Узнаем ли мы их когда-нибудь? И действительно ли это правила?

Вероятно, я читаю слишком много поэзии.

Но что-то, что кажется мне правилом, требует, чтобы я сделала это усилие. Справедливость, долг, месть, безопасность – должна ли я взвесить их по отдельности и определить процент их участия в том, что движет мною? Я здесь, потому что я здесь, потому что я следую правилам – какими бы они ни были. Мое понимание ограничено результатами. Его – нет. Он всегда мог делать интуитивные скачки. Кит был грамотей, ученый, поэт. Такое богатство. Я беднее во всех отношениях.

Кокузо, хранитель всех, кто родился в Год Тигра, разрушь это настроение. Я не хочу его. Оно не мое. Пусть это будет болью старой раны, даже обновленной воспалением. Но я не могу позволить ей быть мною. И покончить с ней вскоре. Моя болезнь в сердце и мои причины благородны. Дай мне силы отделить себя от этого, Ловец в Бамбуке, господин того, кто одет в полоски. Отбрось унылость, собери меня, дай мне силы. Уравновесь меня.

Я наблюдаю игру света. Откуда-то доносится детское пение.

Через некоторое время начинается тихий дождик. Я надеваю пончо и смотрю. Я очень слаба, но я хочу увидеть Фудзи, возникающую из тумана, который начал подниматься. Я отпиваю воду и капельку бренди. Остались только очертания. Фудзи превратилась в привидение горы на Таоистских рисунках. Я жду до тех пор, пока небо не начинает темнеть. Я знаю, что гора больше не придет ко мне сегодня, и я должна позаботиться о сухом месте для ночлега. Это может быть моими уроками из Ходогайя: Склоняйся к настоящему. Не старайся приукрашивать идеалы. Имей достаточно разума, чтобы уйти из-под дождя.

Я спотыкаюсь о небольшое дерево. Сарай, сеновал, гараж...

Что-нибудь, что стояло бы между мной и небом.

Через некоторое время я нахожу такое место. Мне снится не бог.

4. Вид горы Фудзи от Тамагавы

Я сравниваю картину с реальностью. На этот раз не так плохо. Лошади и мужчины на берегу нет, зато на воде есть маленькая лодка. Не совсем такая лодка, если уж говорить по правде, и я не могу сказать, что она сделана из дерева, но и этого достаточно.

Я была бы удивлена, если бы нашла полное совпадение. Лодка плывет прочь от меня. Розовый свет восхода отражается на воде и на тонком слое снега на темных плечах Фудзи. Лодочник на картине отталкивается шестом. Харон? Нет, я сегодня более бодра, чем в Ходогайя. Слишком маленький корабль для «Narrenschiff», слишком медленный для Летучего Голландца. «La navicella». Да. «La navicella del mio ingegno» – «маленькая лодка моего разума», на которой Данте поднял парус, чтобы преодолеть второй круг ада, Чистилище. Теперь Фудзи... Вероятно так. Ад внизу, небеса наверху, Фудзи посередине – конечная остановка. Утонченная метафора для паломника, который хотел бы очиститься. Подходяще. Как я прекрасно вижу на противоположном берегу. Для этого есть и огонь, и земля, и воздух. Перенос, Изменение. Я прохожу.

Спокойствие нарушается и моя мечтательность кончается, когда маленький самолет, желтого цвета, спускается к воде

откуда-то слева от меня. Мгновением позже его комариное жужжание достигает моего слуха. Он быстро теряет высоту, скользит низко над водой, разворачивается и устремляется назад, на этот раз двигаясь вдоль береговой линии. Когда он приближается к точке, наиболее близкой ко мне, я замечаю вспышку отраженного света в его кабине. Бинобль? Если так, слишком поздно прятаться от его интересующихся глаз. Моя рука проникает в нагрудный карман и вытаскивает оттуда маленький серый цилиндр. Я сбиваю легким ударом его колпачки, пока подношу его к глазам. Секунда на поиск цели, другая на фокусировку...

Пилот мужчина, и так как самолет улетает прочь, я схватываю только его незнакомый профиль. Что это за золотая серьга в его левом ухе?

Самолет улетел в том направлении, откуда появился. Он не вернется.

Я дрожу. Кто-то прилетел с единственной целью бросить на меня взгляд. Как он нашел меня? И что он хочет? Если он решит, что я очень испугана, то атака последует в совсем другом направлении, чем то, к которому я приготовилась.

Я сжимаю руку в кулак и тихо ругаюсь. Не готова. Это история всей моей жизни. Всегда быть готовой к ошибочным вещам в соответствующий момент? Всегда пренебрегать тем, что имеет наибольшее значение?

Как Кендра? Я отвечаю за нее, она одна из причин, моего присутствия здесь. Если я преуспею в этом, я, по крайней мере выполню часть моего долга перед ней. Даже если она никогда не узнает, даже если она никогда не поймет...

Я вытаскиваю все мысли о дочери из своего сознания. Если он только подозревает...

Настоящее. Вернуться в настоящее. Не расплескивать энергию в прошлое. Я стою на четвертой стоянке моего паломничества и кто-то проверил меня. На третьей станции эпигон попробовал обрести форму. Я приняла исключительные меры предосторожности при возвращении в Японию. Я здесь по фальшивым документам, путешествую под чужим именем. Годы изменили мою внешность и я помогла им в том, чтобы усилить темноту моих волос и цвета лица, изменив свою манеру одеваться, манеру речи, походку, обычную еду – что было для меня легче, чем многим другим, у меня уже была практика в прошлом. Прошлое... Снова, черт побери! Может быть, оно работает против меня даже таким образом? К черту прошлое! Эпигон и, возможно, человек-наблюдатель объединяются вместе. Да, я нормальная сумасшедшая и была ею много лет, если

хорошенько поразмыслить.

Однако, я не могу позволить моему знанию действительности повлиять на мои нынешние суждения.

Я вижу три возможности. Первая в том, что самолет ничего не значит, так что он мог появиться, если бы кто-нибудь другой стоял там, или никого бы не было. Прогулка или поиски чего-нибудь еще.

Это может быть и так, но мой инстинкт выживания не может позволить мне принять это. Таким образом, кто-то разыскивает меня. Это либо связано с появлением эпигона, либо нет. Если нет, то большое жизненное искушение появляется передо мной и у меня нет идеи, как начать расплетать переплетенное. Здесь имеется так много возможностей из моей прежней профессии, хотя я предполагала долгое время не пользоваться ими. Вероятно, я не должна этого делать. Поиск причин выглядит невозможным предприятием.

Третья возможность наиболее страшная: существует связь между эпигоном и летчиком. Если дела дошли до того, что задействованы оба агента, тогда я обречена на неудачу. И даже более того, это будет означать, что игра приняла другой, устрашающий характер, который я не рассматривала. Это будет означать, что население Земли находится в большей опасности, чем я предполагала, что я единственная, кто знает о ней и поэтому мой персональный поединок вырастает до глобальных масштабов. Я не могу рисковать, отнеся это сейчас к моей паранойе. Я должна предполагать худшее.

Мои глаза переполнились. Я знаю, каково умирать. Однажды я узнала, каково терять с изяществом и надрывом. Я не могу больше позволить себе такое роскошество. Если у меня и были какие-то скрытые мысли, теперь я изгоняю их. Мое оружие хрупко, но я должна владеть им. Если боги спустятся с Фудзи и скажут мне: «Дочь, мы хотим, чтобы ты прекратила все это», я должна продолжить это до конца, хотя бы в аду я страдала от «Йу Ли Ч'ао Чуан.» Никогда прежде я не осознавала так силу судьбы.

Я медленно опускаюсь на колени. Для того и бог, чтобы я могла победить.

Мои слезы больше не для меня.

5. Вид горы Фудзи от Фукугавы в Эдо

Токио. Гиндза и неразбериха. Движение и грязь. Шум, цвет и лица, лица, лица. Когда-то я любила подобные сцены, но я не была в городе уже очень давно. И возвращение в город, такой как этот, обессиливает, почти парализует.

Старый Эдо на картине совсем не тот, и я пользуюсь случаем прийти сюда, хотя осторожность угнетает каждое мое движение.

Трудно найти подходящий мост, чтобы увидеть Фудзи под тем углом, под которым она изображена на картине. Вода не того цвета и я закрываю нос от запаха; этот мост не тот мост; здесь нет мирного рыбака; и зеленщик ушел. Хокусай смотрит, как и я, на Фудзи под металлическим пролетом. Его мост был грациозной радугой, произведением ушедших дней.

Здесь все еще есть нечто от истины и мечтаний любого моста.

Харт Крейн мог бы найти вдохновение в вещах этого сорта. «Арфа и алтарь, переплавленные в неистовстве...»

И мост Ницше – гуманность, простирающаяся до сверхгуманности...

Нет. Мне этот мост не нравится. Лучше было бы не смотреть на него. Пусть это будет мой «rops asinorum.»

Легким движением головы я подбираю перспективу. Теперь кажется, что как будто Фудзи поддерживает мост и без ее поддержки он может быть разрушен, как Бифрост, удерживающий

демонов прошлого от нападения на наш теперешний Асгард – или, может быть, демонов будущего от штурма нашего древнего Асгарда.

Я сновадвигаю голову. Фудзи пропадает. Мост остается целым. Тень и материя.

Задние огни грузовика заставляют меня вздрогнуть. Я только что приехала и чувствую, что была здесь слишком долго. Фудзи кажется слишком далекой, а я слишком незащищенной. Я должна вернуться.

Урок, душа конфликта, у меня перед глазами: я не хочу, чтобы меня тащили через мост Ницше.

Иди, Хокусай, «укийо-е» Привидение Рождественского прошлого, показывай мне другую сцену.

6. Вид горы Фудзи от Кайиказавы

Туманная, таинственная Фудзи над водой. Чистейший воздух, который входит в мои ноздри. Здесь есть даже рыбак почти на том месте, где он должен быть, его поза менее драматична, чем на оригинале, его одежда более современна.

По пути сюда я посетила маленький храм, окруженный каменной стеной. Он посвящен Каннон, богине милосердия и прощения, утешительнице во времена страха и скорби. Я вошла. Я любила ее, когда была девочкой, пока я не узнала, что на самом деле это мужчина.

Тогда я почувствовала себя обманутой, почти преданной. Она была Гуаньинь в Китае, и тоже утешительницей, но она пришла из Индии, где она была бодисатвой по имени Авалокитесвара, мужчиной – «Господином, Который Взирает с Состраданием». В Тибете он был Чен-ре-зи – «Он с Сострадательными Глазами» – тот, кто регулярно перевоплощается как Далай Лама. Я не верила во все эти чудеса с перевоплощением и Каннон потеряла для меня часть своего очарования с моим всезнайством по истории и антропологии. Но я вошла.

Мы мысленно возвращаемся в обстановку детства во времена тревог.

Я осталась там на некоторое время, и ребенок внутри меня танцевал все это время, затем все прошло.

Я наблюдала за рыбаком на этих волнах, маленьких копиях большой волны Хокуса, которая для меня всегда символизировала смерть. Я могла бы увидеть Христианские символы или Иудейский архетип. Но я помню, как Эрнст Хемингуэй сказал Бернарду Беренсону, что секрет величайших произведений в том, что в них нет символизма. Море есть море, старик есть старик, мальчик – это мальчик, марлин – это марлин и акула такая же, как и остальные. Люди домысливают все сами, заглядывая за поверхность, всегда ищут большего. Для меня это, по крайней мере, непонятно. Я провела мое детство в Японии, отрочество в Соединенных Штатах. Во мне есть часть, которая любит видеть в вещах намеки и соприкасаться с тайной. Но Американская часть никогда ничему не доверяет и всегда ищет материальный источник во всем.

В целом, я должна сказать, что лучше не доверять, хотя линии интерпретации должны быть обнаружены раньше, перед перестановкой причин, которую я позволяю своему мозгу. Я все та же, не отказываюсь от этого качества характера, которое хорошо служило мне в прошлом. Это не аннулирует точку зрения Хемингуэя, так же как и мою, так как ни одна не претендует на полную истину. Однако в моей теперешней ситуации, я уверена, моя – больший потенциал для выживания, так как я имею дело не только с «вещами», но и с избранными временем Державами и Княжествами. Я хотела бы, чтобы это было не так, и тогда эпигон был бы не более чем артефактом, сродни мыльным пузырям. Но за всем этим что-то стоит, вне всякого сомнения, так как у желтого самолета был пилот.

Рыбак видит меня и машет рукой. Я машу в ответ с удовольствием.

Я удивлена той готовностью, с которой я воспринимаю это ощущение. Я чувствую, что это должно быть связано с общим состоянием моего здоровья. Этот свежий воздух и путешествие пешком, по-видимому, укрепили меня. Мои чувства стали острее, мой аппетит лучше. Я потеряла в весе, но приобрела мускулы. Я не пользовалась лекарствами несколько дней.

Отчего бы это?... Действительно ли это хорошо? Правда, я должна поддерживать мои силы. Я должна быть готова ко многим вещам. Но слишком много сил... Может быть, это саморазрушение в терминах моего общего плана? Равновесие, вероятно, я должна искать равновесие.

Я смеюсь, в первый раз не помню с каких пор. Смешно пребывать в жизни и смерти, болезненности и здоровье таким же способом, как и герой Томаса Манна, когда я уже прошла четверть всего пути. Мне понадобится вся моя сила – и, возможно,

еще больше во время пути. Раньше или позже счет будет предъявлен. Если ожидание окончено, я должна сделать мой собственный «саки.» Между тем, я решаю наслаждаться тем, что у меня есть.

Когда я нанесу удар, это будет моим последним вздохом. Я знаю это. Этот феномен известен мастерам военного дела разных вероисповеданий. Я вспоминаю историю, рассказанную Евгением Херригелем об обучении с наставником «киудо», о натягивании тетивы и ожидании, ожидании, пока что-то не даст сигнал отпустить ее. Два года он делал это, пока его «сенсей» дал ему стрелу. Я забыла, как долго после этого он повторял это действие со стрелой. Итак, все это начало получаться вместе, истинный миг мог бы появиться и стрела могла бы полететь, могла бы полететь в цель. Прошло много времени, прежде чем он понял, что этот момент всегда приходит с последним выдохом.

Так в искусстве, так и в жизни. По-видимому, такие важные вещи, от смерти до оргазма, происходят в момент пустоты, в точке остановки дыхания. Вероятно, все они не более чем отражение смерти. Это глубокое осознание для таких как я, что моя сила должна с необходимостью следовать из моей слабости. Это управление, способность найти именно тот момент, который больше всего мне подходит. Но, как я верю тому, что нечто во мне знает, где ложь? Слишком поздно теперь пытаться построить мост к моему сознанию. Я составила свои маленькие планы. И поместила их на заднюю полку своего сознания. Я могу оставить их там и вернуться к другим делам.

Тем временем я впитываю этот момент вместе с соленым воздухом, говоря себе, что океан есть океан, рыбак есть рыбак и Фудзи всего лишь гора. Затем я медленно выдыхаю...

7. Вид горы Фудзи от подножия

Огонь в ваших внутренностях, следы зимы как пряди древних волос. Картина более устрашающая, чем реальность этим вечером.

Этот ужасный красный оттенок не пылает на рое облаков. Я все еще двигаюсь. Перед лицом древних сил Кольца Огня трудно не стоять с внутренней дрожью, скользя назад через геологическую вселенную ко временам творения и разрушения, когда возникали новые земли.

Великое излияние, ослепительные вспышки, танец молний как корона.

Я погружаюсь в огонь и изменение.

Прошлую ночь я спала в пристройке маленького Сингонского храма, среда кустарников, подстриженных в виде драконов, пагод, кораблей и зонтиков. Там было много обычных пилигримов и священнослужитель вел огненное священнодействие – «гома» – для нас. Огни Фудзи напомнили мне об этом, так же как тогда огонь напомнил мне Фудзи.

Священник, молодой человек, сидел перед алтарем, на котором стояло блюдо для огня. Он прочитал речитативом молитву и разжег огонь. Я наблюдала, полностью очарованная ритуалом, как он начал кормить огонь ста восемью лучинками. Это, как мне сказали, представляет сто восемь иллюзий души. Так как я не знаю весь список, я чувствовала, что могла бы

представить парочку новых.

Неважно. Он пел псалом, звонил в колокольчик, ударял в гонг и барабан. Я взглянула на других «хенро». Я увидела, что они все полностью поглощены молебном. Все, кроме одного.

Он присоединился к нам, войдя в полном молчании и остановился в тени справа от меня. Он был одет во все черное, и крылья широкого капюшона скрывали нижнюю часть его лица. Он смотрел на меня. Как только наши глаза встретились, он отвел свои в сторону, уставившись на огонь. Через несколько мгновений я сделала то же самое.

Священник добавил ладан, листьев, масла. Я начала дрожать. В мужчине было что-то знакомое. Я хотела бы подробнее рассмотреть его.

Я медленно продвинулась вправо в течение следующих десяти минут, как будто отыскивая место, откуда лучше видно церемонию.

Затем внезапно повернулась и уставилась на мужчину.

Я снова перехватила его изучающий взгляд, и снова он быстро отвел глаза. Но отсвет пламени осветил все его лицо, резкое движение головы привело к тому, что его капюшон упал.

Я была уверена, что это именно тот человек, который пилотировал желтый самолет на прошлой неделе в Тамагава. Хотя у него не было золотой серьги, раковина его левого уха выдавала его.

Но кроме этого, было еще кое-что. Увидя его лицо полностью, я была уверена, что видела его где-то раньше, годы тому назад. У меня необычно хорошая память на лица, но почему-то я не могла припомнить его в предыдущих ситуациях. Он испугал меня, и я почувствовала, что для этого были свои причины.

Церемония продолжалась до тех пор, пока последняя лучина не была помещена в огонь и священник закончил службу, когда она сгорела. Тогда он повернулся, вырисовываясь на фоне света, и сказал, что пришло время для тех, кто чувствует недомогание, втереть целительный пепел, если они хотят.

Двое из паломников продвинулись вперед. Еще один медленно присоединился к ним. Я взглянула направо еще раз. Мужчина ушел в таком же молчании, как и пришел. Я окинула взглядом всю внутренность храма. Его нигде не было. Я почувствовала прикосновение к моему левому плечу.

Повернувшись, я взглянула на священника, который легонько ударил меня трехзубым медным инструментом, которым пользовался в церемонии.

– Иди, – сказал он, – и вотри пепел. Тебе нужно лечение для твоей левой руки и плеча, поясницы и ноги.

– Как Вы узнали об этом?

– Мне было дано увидеть это этим вечером. Иди.

Он показал место слева от алтаря и я пошла туда, пугаясь его пронизательности, так как в тех местах, которые он назвал, онемение усиливалось в течение дня. Я воздерживалась от приема лекарств, надеясь, что приступ пройдет сам по себе.

Он массажировал меня, втирая пепел погасшего огня в те места, которые он назвал, потом показал мне, как продолжать дальше. Я так и сделала, по традиции немного потеряв в конце голову.

Позднее я осмотрела все вокруг, но моего странного наблюдателя нигде не было. Я нашла укромное место между ногами дракона и расстелила там свою постель. Мой сон не потревожили.

Я проснулась перед рассветом и обнаружила, что чувствительность восстановилась во всех онемевших местах. Я была рада, что приступ прошел без применения лекарств.

Остаток дня, пока я путешествовала сюда, к подножью Фудзи, я чувствовала себя удивительно хорошо. Даже теперь я полна необычной силой, что пугает меня. Что, если пепел церемониального огня обладает целебными свойствами? Я боюсь, что может сделаться с моими планами, с моим решением. Я не уверена, что знаю, как поступать в этом случае.

Итак, Фудзи, Господин Скрытого Огня, я пришла, готовая и опасаящаяся. Я буду ночевать неподалеку отсюда. Утром я двинусь дальше. Твое присутствие переполняет меня. Я хочу отойти для другой, более отдаленной перспективы. Если бы я когда-нибудь взобралась на тебя, интересно, смогла бы я бросить сто восемь палочек в твой священный очаг? Я думаю, нет. Есть иллюзии, которые я не хочу разрушать.

8. Вид горы Фудзи от Тагоноуры

Я поехала на лодке, чтобы посмотреть на берег и склоны Фудзи. Я все еще чувствую себя выздоравливающей. Стоит ясный день, с моря дует холодный ветер. Лодка раскачивается на небольших волнах, пока рыбак и его сын, которым я заплатила, чтобы иметь возможность воспользоваться их лодкой, направляют ее по моему требованию так, чтобы дать мне возможность найти точку обзора, наиболее приближенную к картине. Так много из бытовой архитектуры этих мест представляют мне носы кораблей. Расхождение эволюции культуры, где сообщение представляет собой среду? Море – это жизнь? Добывая пропитание под волнами, мы всегда на море?

Или море – это смерть, оно может подняться и разрушить наши страны, потребовать наши жизни в любой момент? Таким образом, мы должны помнить это «temento mori», даже когда над нашими головами крыша и стены, которые поддерживают ее? Или это знак нашей силы, над жизнью и смертью?

Или ни то, ни другое. Может показаться, что я затаила сильное желание смерти. Это не так. Мое желание как раз обратное.

Это действительно может быть, так как я пользуюсь картинами Хокусая как разновидностью пятен Роршаха для самопознания, но скорее это восхищение смертью, нежели

желание ее. Я полагаю, это понятно при сильном страдании.

Достаточно об этом. Это означало только извлечение моего оружия с тем, чтобы проверить его остроту. Я обнаружила, что оно в порядке и я снова вкладываю его в ножны.

Серо-голубая Фудзи, посленная снегом, длинный край слева от меня. Похоже, что я никогда не видела одну и ту же гору дважды. Ты изменяешься так же, как и я, поэтому остаешься тем, что ты есть. Что означает, что для меня есть надежда.

Птицы. Позвольте мне послушать и понаблюдать за вами какое-то время, воздушные путешественники, ныряющие и питающиеся.

Я наблюдаю, как мужчина работает с сетью. Приятно наблюдать за его проворными движениями. Через некоторое время я начинаю дремать. Мне снятся сны и я вижу бога Кокузо. Это не может быть просто так, потому что когда он вытаскивает свой меч, вспыхивающий как солнце, и указывает им на меня, он говорит свое имя. Он повторяет его снова и снова, так как я трепещу перед ним, но тут что-то не так. Я знаю, что он сказал мне что-то еще, кроме своего имени. Я слышу это, но не могу понять смысл. Затем он показывает острием куда-то позади меня. Я поворачиваю голову. Я вижу мужчину в черном – пилота, наблюдателя в «гома». Что ищет он на моем лице?

Я проснулась от сильного раскачивания лодки, так как начался шторм. Я хватаюсь за планшир, за которым сижу. Я вижу, что мы вне опасности и снова смотрю на Фудзи. Смеется ли она надо мной? Или это смешок Хокусая, который сидит на коленях позади меня и рисует картины на влажном дне лодки длинным слабеющим пальцем?

Если тайна не может быть понята, она должна быть сохранена.

Потом. Позднее я вернусь к сообщению, когда мой мозг перейдет в новое состояние.

Новая порция рыбы загружается в лодку, придавая остроту этому путешествию. Рыбины извиваются, но они все-таки не смогли избежать сети. Я думаю о Кендре и удивляюсь, как поддерживает мысль о ней. Я надеюсь, что ее страх передо мной уменьшится. Я верю, что она не сбежит из своего заточения. Я оставила ее на попечение знакомых в простой, изолированной коммуне на Юго-Западе. Мне не нравится ни место, ни те, кто там живут. Но они обязаны мне кое-чем и поэтому будут держать ее там, пока не пройдут некоторые события. Я вижу ее тонкую фигуру, глаза лани и шелковые волосы. Ясная, грациозная девушка, привыкшая к роскоши, без ума от долгих омовений и частых душей, хрустящего белья. Она, вероятно, сейчас грязная и

пыльная, выносит помои свиньям, ухаживает за растениями или собирает плоды, или еще что-нибудь, в этом духе. Вероятно, это будет полезно для ее характера. Она обязана получить какие-нибудь другие впечатления, кроме как предосторожности от возможной ужасной судьбы.

Время идет. Я обедаю.

Позднее я размышляю о Фудзи, Кокузо и моих страхах. Сны – это только проводники страхов и желаний сознания, или они иногда верно отражают неожиданные аспекты реальности, что-нибудь, что дает предупреждение? Отражать... Сказано, что совершенный ум отражает. «Чинтай» в своем ковчеге в своей гробнице – вещь, полностью посвященная богу – маленькое зеркало – не изображение.

Море отражает небо со всеми облаками и голубизной. Как Гамлет, можно дать много интерпретаций случайному, но лишь одна может иметь ясные очертания. Я снова вспоминаю сны, без всяких вопросов. Что-то движется...

Нет. Я почти постигла это. Но поторопилась. Мое зеркало разбилось.

Когда я смотрю на берег, там уже появилась новая группа людей. Я вытаскиваю мой маленький шпионский бинокль и рассматриваю их, уже зная, что я увижу.

Он снова одет в черное. Он разговаривает с двумя мужчинами на берегу. Один из них показывает рукой по направлению к нам.

Дистанция слишком велика, чтобы можно было разглядеть все подробности, но я знаю, что это тот же самый человек. Но сейчас я не испытываю страха перед тем, что я знаю. Медленный гнев начинает разгораться внутри моей «хара». Я обязана вернуться на берег и разобраться с ним. Это только один мужчина. Теперь я все выясню. Я больше не могу позволить себе пребывать в неизвестности, так как я уже подготовилась к этому. Его нужно встретить подходящим образом, отделаться от него или принять в расчет.

Я прошу капитана доставить меня на берег немедленно. Он ворчит. Ловля прекрасная, день только начинается. Я предлагаю ему большую плату. Он неохотно соглашается. Он приказывает сыну поднять якорь и направиться к берегу.

Я стою на носу. Пусть он лучше рассмотрит. Я посылаю мой гнев вперед. Меч так же отражает объект, как и зеркало.

По мере того, как Фудзи вырастает передо мной, мужчина бросает взгляд в нашем направлении, передает что-то другим, затем поворачивается и легкой походкой уходит прочь. Нет! Нет способа ускорить наше движение и он уйдет раньше, чем я

пристану к берегу. Я ругаюсь. Я хочу немедленного удовлетворения, а не продолжения таинственности.

А мужчины, с которыми он говорил... Их руки засунуты в карманы, они смеются, потом идут в другом направлении. Бродяги. Он заплатил им за то, чтобы они что-то сказали? Похоже что так. И теперь идут куда-нибудь в пивную, чтобы пропить плату за мое спокойствие? Я окликаю их, но ветер относит мои слова прочь. Они тоже уйдут, прежде чем я достигну берега.

Так оно и есть. Когда я в конце-концов стою на берегу, единственное знакомое лицо – это моя гора, сияющая как алмаз в лучах солнца.

Я вонзаю ногти в ладони, но мои руки не могут стать крыльями.

9. Вид горы Фудзи от Наборито

Я в восторге от этой картины: отлив обнажил затонувшие развалины храма Чинто и люди копаются среди них, отыскивая съедобные ракушки. Фудзи, конечно, видна на фоне руин. «Где бы могла быть христианская церковь под волнами с Раковиной Бога?» – проносится в моем мозгу. Однако спасает география.

А действительность отличается полностью. Я не могу определить место. Я на этом самом месте и вид Фудзи подходящий, но развалин нет и у меня нет способа узнать, есть ли здесь затонувший храм.

Я сижу на склоне холма и смотрю на воду, внезапно чувствуя себя не усталой, но опустошенной. Я прошла много и быстро в эти несколько последних дней, и кажется, что усилия полностью истощили меня. Я посижу здесь, посмотрю на море и небо. В конце-концов, моя тень, мужчина в черном, нигде не был виден после берега в Тагоноура. Молодая кошка охотится за мотыльком у подножья холма, бьет лапами по воздуху, лапки в белых перчатках мелькают.

Мотылек набирает высоту, несется под порывом ветра. Кошка сидит некоторое время, большие глаза наблюдают за ним.

Я проделываю путь до откоса, который я заметила раньше, там я буду защищена от ветра. Снимаю рюкзак, раскладываю мой спальник, пончо под него. Снимаю ботинки и быстро залезаю в

спальник.

Я, видимо, немного простудилась, и конечности очень тяжелые. Мне следовало бы сегодня спать под крышей, но я слишком устала, чтобы искать пристанище.

Я лежу и смотрю на свет темнеющего неба. Как обычно, в моменты большой усталости, я не могу заснуть быстро. Это из-за усталости или от чего-нибудь другого? Я не хочу принимать лекарства и поэтому лежу некоторое время, ни о чем не думая. Это не помогает. Мне очень хочется чашку горячего чая. Так как его нет, я проглатываю бренди, которое согревает меня изнутри.

Сон все еще не приходит и я решаю рассказать самой себе историю, так я часто делала, когда была очень молодой и хотела превратить мир в сон.

Итак... Во времена неурядиц, последовавших за смертью Отошедшего от дел Императора Сутоки несколько странствующих монахов различных вероисповеданий пошли этим путем, встретились на дороге, путешествуя, чтобы найти передышку от войн, землетрясений и ураганов, которые так разрушают страны. Они хотели основать религиозную коммуну и вести созерцательную жизнь в тишине и покое.

Они натолкнулись на строение, похожее на пустынный храм Чинто, и расположились там на ночлег, удивляясь, какая моровая язва или стихийное бедствие привели к исчезновению всех жителей. Все выглядело хорошо и нигде не было следов насилия. Они обсуждали возможность основания здесь своей обители. Им эта мысль понравилась и они провели большую часть ночи, строя планы. Однако утром внутри храма появился древний священник, как будто выполняя свои дневные обязанности. Монахи попросили его рассказать об истории этого места и он сообщил им, что раньше здесь были другие обитатели, но все они исчезли во время бури много лет тому назад.

Нет, это не храм Чинто, хотя издалека она выглядит похоже. Это храм посвящен очень старому богу, а он его последний служитель.

Если они хотят, они будут желанными гостями и могут присоединиться к нему, чтобы познакомиться со старыми обрядами. Монахи быстро обсудили это и решили, что так как место выглядит очень привлекательно, было бы очень неплохо остаться и послушать, что за учение у старого священника. Так они стали жителями этого странного храма. На этом месте некоторые из них сначала испытывали беспокойство, так как по ночам им казалось, что они слышат зов мелодичных голосов в шуме волн и морского ветра. И время от времени казалось, что голос старого священника отвечает этим призывам. Однажды

ночью один из них пошел по направлению звуков и увидел старого священника, стоящего на берегу с поднятыми вверх руками. Монах спрятался, а потом заснул в расщелине скалы. Когда он проснулся, полная луна стояла высоко в небе, а старик ушел. Монах спустился туда, где он стоял, и на песке увидел множество отпечатков перепончатых лап. Потрясенный монах вернулся к своим товарищам и все им рассказал. Они провели недели, пытаясь хотя бы мельком увидеть ноги старого священника, которые всегда были обуты. Им это не удалось, но со временем это беспокоило их все меньше. Учение старого священника оказывало на них свое действие медленно, но верно. Они начали помогать ему при выполнении ритуалов и узнали имя этого мыса и его храма. Это был остаток большого затонувшего острова, который, как он уверял их, поднимался благодаря чудесной случайности, чтобы показать последний город, населенный слугами его господ. Место называлось Р'лие и они были бы счастливы пойти туда однажды. К этому времени такое предложение показалось им неплохой идеей, так как они заметили определенное утончение и разрастание кожи между пальцами ног и рук, а сами пальцы стали более сильными и удлинились. Теперь они участвовали во всех церемониях, которые становились все отвратительнее. Как-то раз, после особенно кровавого жертвоприношения, обещание старого священника выполнилось с точностью до наоборот. Вместо поднятия острова, мыс затонул, чтобы присоединиться к нему, увлекая гробницу и всех монахов вместе с ней. Так все их мерзости теперь в воде. Но раз в столетие целый остров действительно поднимается на ночь и их шайки бродят по берегу в поисках жертв. И, конечно, сейчас именно ночь...

Чудеснейшая дремота наконец пришла ко мне. Мои глаза закрыты. Я плыву на хлопковом плоту... Я – Звук! Надо мной! По направлению к морю! Что-то движется в моем направлении. Медленно, потом быстро. Адреналин огнем проносится по моим жилам. Я тихо и осторожно протягиваю руку и хватаю мой посох.

Ожидание. Почему сейчас, когда я ослабела? Опасность всегда ближе в худшие моменты?

Что-то тяжело падает на землю позади меня и я перевожу дыхание.

Это кошка, чуть побольше той, которую я видела раньше. Она приближается с мурлыканьем. Я протягиваю руку и хватаю ее. Она трется об руку. Через некоторое время я запихиваю ее в мешок.

Она ластится ко мне, мурлычет. Хорошо иметь кого-то, кто доверяет тебе и хочет быть рядом с тобой. Я называю кошку Р'лие.

Тільки на одну ніч.

10. Вид горы Фудзи от Эджири

Обратный путь я проделываю на автобусе. Я слишком устала, чтобы идти пешком. Я приняла лекарство, как, вероятно, мне и нужно было бы делать все это время. Может быть, пройдет еще несколько дней, пока оно принесет мне некоторое облегчение и это меня пугает. Я не могу позволить себе такого состояния. Я не уверена, что я должна двигаться дальше.

Картина обманчива, так как часть ее воздействия обусловлена изображением действия сильного ветра. Небеса серые, подножье Фудзи теряется в тумане, люди на дороге и два дерева рядом с ней страдают от порывов ветра. Деревья изогнулись, люди вцепились в свои одежды, шляпа летит высоко в воздухе и бедный писарь или сам автор пытается поймать подхваченный ветром манускрипт (напоминает мне старую гравюру – Издатель и Автор: «Забавная вещь случилась с вашей рукописью во время праздника Святого Патрика»). Сцена, которая предстает передо мной, не столь метеорологически бурная. Небо действительно затянуто облаками, но ветра нет, Фудзи темнее, прорисована более ясно, чем на картине, в окрестностях нет крестьян. Поблизости гораздо больше деревьев.

Фактически я стою рядом с небольшой рощей. Вдалеке видны строения, которых нет на картине.

Я тяжело опираюсь на мой посох. Немного жить, немного умереть. Я достигла моей десятой остановки и до сих пор не знаю, дает ли Фудзи мне силы, или отнимает их. Наверное, и то, и другое.

Я направляюсь в сторону леса и пока я иду, на мое лицо падают капли дождя. Нигде нет признаков присутствия человека. Я иду дальше от дороги и наконец натыкаюсь на маленькое открытое пространство, на котором несколько скал и булыжники. Это будет моим привалом. Мне больше ничего не нужно для того, чтобы провести остаток дня.

Вскоре у меня горит маленький костер, мой миниатюрный чайник стоит на камне в костре. Дальний раскат грома добавляет разнообразия к моим неудобствам, но дождя пока нет. Однако земля сырая. Я расстилаю пончо и сижу на нем в ожидании. Я точу свой нож и откладываю его. Ем бисквит и изучаю карту. Я полагаю, что должна бы чувствовать некоторое удовлетворение, ведь все идет так, как я предполагала. Я хотела бы, но не чувствую.

Неизвестное насекомое, которое жужжало где-то позади меня, внезапно перестает жужжать. Секундой позже я слышу хруст ветки у себя за спиной. Моя рука сжимает посох.

«Не надо», говорит кто-то сзади.

Я поворачиваю голову. Он стоит в восьми или десяти футах от меня, мужчина в черном, его правая рука в кармане пиджака. Кажется, что у него есть еще что-то, кроме этой руки, засунутой в карман.

Я убираю руку с посоха и он приближается. Носком ботинка он отбрасывает мой посох подальше, вне пределов моей досягаемости.

Затем вынимает руку из кармана, оставляя там то, что держал. Он медленно двигается вокруг костра, поглядывая на меня, усаживается на камень и опускает руки между коленями. Затем спрашивает:

– Мари?

Я не отзываюсь на мое имя, но смотрю на него. Свет меча Кокузо из сна вспыхивает в моем сознании и я слышу, как бог называет его имя, только не совсем правильно.

– Котузов!

Мужчина в черном улыбается, показывая, что вместо зубов, которые я выбила очень давно, сейчас стоит аккуратный протез.

– Вначале я был совсем не уверен, что это Вы.

Пластическая операция убрала по крайней мере десяток лет с его лица вместе со многими морщинами и шрамами. Изменились также глаза и щеки. И даже нос стал меньше. Он стал выглядеть

гораздо лучше с тех пор, как мы с ним виделись.

– Вода кипит, – говорит он. – Не предложите ли Вы мне чашку чаю?

– Конечно, – отвечаю я и тянусь за рюкзаком, где у меня есть запасная чашка.

– Спокойно.

– Конечно.

Я отыскиваю чашку, готовлю чай и наполняю обе чашки.

– Нет, не передавайте ее мне, – говорит он и берет ее с того места, где я ее наполнила.

Я подавляю желание улыбнуться.

– Нет ли у Вас куска сахара?

– Увы, нет.

Он вздыхает и лезет в другой карман, откуда вытаскивает маленькую фляжку.

– Водка? В чай?

– Не будьте глупой. Мои вкусы изменились. Это турецкий ликер, удивительно сладкий. Не хотите ли немного?

– Дайте мне понюхать его.

Запах сладости определенно присутствует.

– Прекрасно, – говорю я и он добавляет ликер в чай.

Мы пробуем. Неплохо.

– Как давно все это было? – спрашивает он.

– Четырнадцать лет тому назад – почти пятнадцать. В конце восьмидесятых.

– Да.

Он трет подбородок.

– Я слышал, что Вы уже отошли от дел.

– Вы слышали правду. Это было примерно через год после нашего последнего столкновения.

– Турция, да. Вы вышли замуж за человека из вашей шифровальной группы.

Я киваю.

– Вы овдовели тремя или четырьмя годами позже. Дочь родилась после смерти мужа. Вернулись в Штаты. Поселились в деревне. Вот все, что я знаю.

– Это и есть все.

Он отхлебывает чай.

– Почему Вы вернулись сюда?

– Личные причины. Частично сентиментальные.

– Под чужим именем?

– Да. Это касается семьи моего мужа. Я не хочу, чтобы они знали, что я здесь.

– Интересно. Вы считаете, что они так же тщательно следят за

приезжающими, как и мы?

– Я не знала, что Вы следите за приезжающими.

– Сейчас мы это делаем.

– Я не знаю, что здесь происходит.

Раздался еще один раскат грома. Еще несколько капель упали.

– Я хотел бы верить, что Вы действительно удалились от дел.

– У меня нет причин опять возвращаться к этому. Я получила небольшое наследство, достаточное для меня и моей дочери.

Он кивнул.

– Если бы у меня было такое положение, я не сидел бы в поле. Скорее я был бы дома, читал бы, или играл в шашки, ел и пил во время. Но Вы должны допустить, что это только случайность, что Вы здесь, когда решается будущее нескольких наций.

Я отрицательно покачала головой.

– Я ничего не знаю о множестве вещей.

– Нефтяная конференция в Осаке. Она начинается через две недели в среду. Вероятно, Вы собираетесь посетить Осаку примерно в это время?

– Я не собираюсь ехать в Осаку.

– Тогда связь. Кто-то оттуда может встретиться с Вами, простой туристкой, в какой-либо точке Вашего путешествия и...

– Боже мой! Вы повсюду видите секретность, Борис? Я сейчас забочусь только о своих проблемах и посещаю те места, которые имеют для меня значение. Конференция к ним не относится.

– Хорошо. – Он допил чай и отставил чашку в сторону.

– Вы знаете, что мы знаем, что Вы здесь. Одно слово японским властям о том, что Вы путешествуете по чужим документам, и Вас вышвырнут отсюда. Это было бы самым простым. Никакого вреда не причинено и все живы. Только это бы омрачило бы Вашу поездку, если Вы действительно здесь как простая туристка...

Грязные мысли пронеслись в моем мозгу, как только я поняла, куда он клонит, и я знаю, что они более испорчены, чем его. Я этому научилась у одной старой женщины, с которой работала и которая не выглядела как старая женщина.

Я допила мой чай и подняла глаза. Он улыбался.

– Я приготовлю еще чаю, – сказала я.

Верхняя пуговка на моей блузке расстегивается, когда я отворачиваюсь от него. Затем я наклоняюсь вперед и глубоко вздыхаю.

– Вы могли бы не сообщать властям обо мне?

– Я мог бы. Я думаю, что Вы, скорее всего, говорите правду. А даже если нет, Вы бы теперь не стали рисковать, перевоза что-то.

– Я действительно хочу окончить это путешествие, – говорю я, поглядывая на него. Мне не хотелось бы быть высланной сейчас.

Он берет меня за руку.

– Я рад, что Вы сказали это, Марьюшка. Я одинок, а Вы еще привлекательная женщина.

– Вы так думаете?

– Я всегда думал так, даже когда Вы выбили мне зубы.

– Простите меня. Так получилось, Вы знаете.

Его рука поднимается на мое плечо.

– Конечно. В конце-концов, протез выглядит лучше, чем настоящие.

– Я мечтал об этом много раз, – говорит он, расстегивая последние пуговицы моей блузки и развязывая мой пояс.

Он нежно гладит мой живот. Это не вызывает у меня неприятных ощущений. Это продолжается довольно долго.

Вскоре мы полностью раздеты. Он медлит, и когда он готов, я раздвигаю ноги. Все в порядке, Борис. Я расставила ловушку и ты попался. Я могла бы даже чувствовать себя немного виноватой в этом. Ты более благороден, чем я думала. Я дышу глубоко и медленно. Я концентрирую свое внимание на моей «хара» и на его, в нескольких дюймах рядом. Я чувствую наши силы, похожие на сон и теплые, движущиеся. Вскоре я привожу его к завершению. Он ощущает это лишь как удовольствие, может быть, более опустошающее, чем обычно. Хотя когда все кончается...

– Ты сказала, что у тебя есть затруднения? – спрашивает он в том мужском великодушии, которое обычно забывается через несколько минут. – Если я могу что-нибудь сделать, у меня есть несколько свободных дней. Ты мне нравишься, Марьюшка.

– Это то, что я должна сделать сама. Во всяком случае, спасибо.

Я продолжаю в прежнем духе.

Позднее, когда я одеваюсь, он лежит и смотрит на меня.

– Я должно быть, старею, Марьюшка. Ты меня утомила. Я чувствую, что мог бы проспать целую неделю.

– Это похоже на правду. Неделя и ты снова будешь чувствовать себя отлично.

– Я не понимаю...

– Я думаю, ты слишком много работал. Эта конференция...

Он кивает.

– Ты, наверное, права. Ты действительно непричастна?...

– Я действительно непричастна.

– Хорошо.

Я мою чайник и чашки. Укладываю их в рюкзак.

– Будь так добр, Борис, дорогой, подвинься, пожалуйста. Мне

очень скоро понадобится пончо.

– Конечно.

Он медленно поднимается и передает его мне. Начинает одеваться. Он тяжело дышит.

– Куда ты собираешься двинуться отсюда?

– Мишима-го, к следующему виду моей горы.

Он качает головой. Заканчивает одеваться и усаживается на землю, прислонившись к стволу. Находит свою фляжку и делает глоток.

Затем протягивает мне.

– Не хочешь ли?

– Спасибо, нет. Мне пора.

Я беру посох. Когда я снова смотрю на него, он улыбается слабо и печально.

– Ты многое забираешь от мужчины, Марьюшка.

– Да.

Я ухожу. Сегодня я смогу пройти двадцать миль, я уверена.

Прежде чем я выхожу из рощи, начинается дождь; листья ржавые, как крылья летучих мышей.

11. Вид горы Фудзи от Мишима-Го

Солнечный свет. Чистый воздух. Картина показывает большую криптомерию, Фудзи неявно вырисовывается за ней, скрытая дымкой.

Сегодня нет дымки, но я нашла криптомерию и остановилась на таком месте, где она пересекает склон Фудзи слева от вершины. На небе несколько облаков, но они не похожи на кукурузные початки, как на картине.

Мой украденный «ки» все еще поддерживает меня, хотя медикаменты работают тоже. Мое тело скоро отторгнет заимствованную энергию, как пересаженный орган. Хотя тогда лекарства должны уже подействовать.

Тем временем, картина и действительность становятся все ближе друг к другу. Стоит прекрасный весенний день. Птицы поют, бабочки порхают; я почти слышу, как растут корни под землей. Мир пахнет свежо и ново. Я больше не посторонняя. Снова радуюсь жизни.

Я смотрю на громадное старое дерево и слушаю его эхо в веках: Йиггдрасиль, Золотая Ветвь, Июльское дерево, Древо Познания Добра и Зла, Бо, под которым Будда Гаутама нашел свою душу и потерял ее...

Я двигаюсь вперед, чтобы дотронуться до его шершавой коры. Отсюда я внезапно обнаруживаю новый вид на долину внизу.

Поля похожи на выравненный песок, холмы – на скалы, Фудзи как валун. Это сад, тщательно ухоженный...

Позднее я замечаю, что солнце передвинулось. Я находилась на этом месте в течение нескольких часов. Мое маленькое вдохновение под великим деревом. Я не знаю, что я могу сделать для него.

Я внезапно наклоняюсь и подбираю одно семя. Маленькая штучка для такого гиганта. Оно меньше моего ногтя. Тонко желобчатое, как будто изваянное волшебниками.

Я кладу его в карман, посажу где-нибудь по пути.

Затем я отступаю в сторону, так как слышу звук приближающегося колокольчика, а я пока еще не готова к тому, чтобы встретить кого-либо. Но внизу есть маленький постоянный двор, который не похож на филиал большой гостиницы. Я смогу принять ванну, поесть и выспаться в постели этой ночью.

Завтра я буду сильной.

12. Вид горы Фудзи со стороны озера Кавагучи

Отражения. Это одна из моих любимых картин серии: Фудзи, видимая со стороны озера и отражающаяся в нем. С другой стороны зеленые холмы, маленькая деревня на дальнем берегу, маленькая лодка на воде. Наиболее поразительная особенность этой картины в том, что отражение Фудзи не то же самое, что оригинал; ее положение неправильно, склон неправильный, покрытый снегом, у оригинала он не такой.

Я сижу в маленькой лодке, которую я наняла, и смотрю назад.

Небо слегка дымчатое, что хорошо. Нет бликов, портящих отражение. Город не такой привлекательный, как на картине, он вырос.

Но я не вдаюсь в такие детали. Фудзи отражается более четко, но раздвоение все еще волнует меня.

Интересно... На картине деревня не отражается, так же, как изображение лодки на воде. Единственное отражение – Фудзи. Никаких признаков человеческого присутствия.

Я вижу отражающиеся здания на воде поблизости. И в моем сознании возникают другие образы, которые Хokusай мог бы знать.

Конечно, затонувший Р'лие является мне, но место и день слишком идиллические. Он исчезает практически мгновенно, замещаясь затонувшим Ис, чьи колокола все еще отбивают часы

под водой. И «Нильс Хольгерссон» Сельмы Лагерлоф, роман, в котором потерпевший крушение моряк обнаруживает себя в затонувшем городе на дне моря – в месте, затонувшем в наказание его жадным, высокомерным жителям, которые все еще обманывают друг друга, хотя все они уже мертвы. Они одеты в богатые старомодные одежды и ведут свои дела так же, как когда-то наверху. Моряка тянет к ним, но он знает, что он не должен обнаруживать себя, иначе он превратится в одного из них и никогда не вернется на землю, не увидит солнца. Я полагаю, что я подумала об этой старой детской сказке, потому что сейчас поняла, что должен был чувствовать моряк. Мое открытие же тоже могло бы привести к превращению, которого я не желаю.

И конечно, когда я наклоняюсь и вижу себя в воде, под стекловидной поверхностью обнаруживается мир Льюиса Кэрролла. Быть маленькой девочкой и спускаться... Кружиться, спускаясь, и через несколько минут узнать обитателей страны парадоксов и великого очарования.

Зеркало, зеркало, почему реальный мир так редко совпадает с нашим эстетическим вдохновением?

Полпути пройдено. Я достигла середины своего паломничества чтобы столкнуться с собой в озере. Это подходящее время и место чтобы взглянуть в свое собственное лицо, осознать все, что я принесла сюда, предположить, как будет протекать остаток путешествия. Хотя иногда образы могут лгать. Женщина, которая смотрит на меня, кажется собранной, сильной и выглядит лучше, чем я думала. Я люблю тебя, Камагучи, озеро с человеческой индивидуальностью. Я лщу тебя литературными комплиментами, а ты возвращаешь одобрение.

Встреча с Борисом уменьшила груз страха в моем мозгу. За мной пока еще не следят агенты-люди. Так что все идет не так уж плохо.

Фудзи и образ. Гора и душа. Могло бы дьявольское творение не давать отражения – некая темная гора, где в течение веков происходят ужасные смерти? Я вспомнила, что Кит теперь не отбрасывает тени, не имеет отражения.

Хотя действительно ли он дьявол? На мой взгляд, да. Особенно если он делает то, что я думаю.

Он говорил, что любит меня, и я когда-то любила его. Что он скажет мне, когда мы снова встретимся, ведь мы должны встретиться обязательно?

Не имеет значения. Пусть говорит что хочет, я хочу попробовать убить его. Он верит, что вечен и его невозможно уничтожить. Я не верю в это, хотя уверена, что я единственное существо на земле, которое может победить его. Мне

потребовалось много времени, чтобы понять это и еще больше, прежде чем решение попытаться сделать это пришло ко мне. Я должна сделать это как для Кендры, так и для себя. Покой населения Земли стоит на третьем месте.

Я опускаю пальцы в воду. Потихоньку я начинаю петь старую песню, песню любви. Я не хотела бы покидать это место. Будет ли вторая часть моего путешествия зеркальным отражением первой? Или мне нужно будет пройти через стекло, чтобы войти в это чуждое королевство, которое он сделал своим домом?

Я посадила семя криптамерии вчера вечером в уединенной долине. Такое дерево когда-нибудь будет выглядеть величественно, переживая нации и армии, мудрецов и сумасшедших.

Интересно, где сейчас Р'лие? Она убежала утром после завтрака, вероятно, чтобы поохотиться на бабочек. Не потому, что я могла бы взять ее с собой.

Я надеюсь, что с Кендрой все в порядке. Я написала ей письмо, в котором многое объяснила. Я оставила его своему поверенному, который перешлет его однажды в не столь далеком будущем.

Картины Хокусая... Они могут пережить криптамерию. Обо мне даже не вспомнят.

Двигаясь между двумя мирами, я в тысячный раз представляю нашу встречу. Он может повторить старый трюк, чтобы получить то, что он хочет. Я могу проделать еще более старый, чтобы он не получил этого. Мы оба вне действия.

Много времени прошло с тех пор, как я читала «Анатомию Меланхолии.» Это не та вещь, которой я хотела бы воспользоваться, чтобы вернуться в прежние годы. Но я вспоминаю несколько строк, когда вижу дротик для ловли рыбы: «Поликрат Самиус, который забросил свой перстень в море, так как хотел бы быть таким же недовольным, как и другие, вскоре получил его обратно вместе с выловленной рыбой, был предрасположен к меланхолии. Никто не мог вылечить его...» Кит отбросил свою жизнь и выиграл ее. Я сохранила свою и потеряла ее. Действительно ли кольца возвращаются именно к тем людям? А как насчет женщины, излечивающей себя?

Хокусай, ты уже показал мне много вещей. Можешь ли ты показать мне ответ?

Старый человек медленно поднимает руку и показывает на свою гору. Затем он опускает ее и указывает на ее изображение.

Я качаю головой. Это ответ, что ответа нет. Он тоже качает головой и показывает снова.

Облака сгруппировались высоко над Фудзи, но это не ответ. Я

смотрю на них долгое время, но не вижу среди них ни одного интересного изображения.

Тогда я опускаю глаза. Подо мной, отраженные, они принимают другой вид. Это выглядит как изображение столкновения двух вооруженных армий. Я с восхищением наблюдаю, как они вместе плывут, скопления справа от меня постепенно перекатываются и топят тех, которые слева. После этого те, что справа, уменьшаются.

Конфликт? Это весть? И обе стороны теряют то, что не хотели терять? Скажи мне что-нибудь еще, чего я не знаю, старый человек.

Он продолжает смотреть. Я снова слежу за его взглядом, теперь вниз. Теперь я вижу дракона, ныряющего в кратер Фудзи.

Я снова гляжу вниз. Армий не осталось, одна резня, а хвост дракона превратился в руку мертвого воина, держащую меч.

Я закрываю глаза и тянусь за ним. Меч дыма для человека огня.

13. Вид горы Фудзи от Коишикава в Эдо

Снег, на кровлях домов, на вечнозеленых деревьях, на Фудзи, местами начинающий таять. В окнах полно женщин – гейш, как я могла бы сказать, смотрящих на улицу, одна из них указывает на трех темных птиц высоко в бледном небе. Мой вид Фудзи, к сожалению, без снега, без гейш и при ясном солнце.

Детали...

И то, и другое интересно, наложение – одна из главных сил в эстетике. Я думаю о жарко-весенней гейше Комако в «Снежной Стране» – новелле Ясунари Кавабата, об одиночестве и ненужной, увядающей красоте, которая, как я всегда чувствовала, есть самая анти-любовная история Японии. Эта картина вызвала в моей памяти всю новеллу. Отвержение любви. Кит не Шимамура, так как он хотел меня, но только очень по своему, так, что это неприемлемо для меня. Эгоизм или самоотверженность? Это важно...

А птицы, на которых указывает гейша?... «Тридцать Способов Созерцания на Дроздов?» В точку. Мы могли бы никогда не договориться о ценности.

Два Ворона? И Бросок в Драчливого Петуха Теда Хьюгеса? Может быть и так, но я не хочу вытаскивать аналогий. Иллюзия на каждый намек, а где вчерашний снег?

Я опираюсь на мой посох и смотрю на гору. Я хочу делать это на всех моих остановках, если это возможно, перед

столкновением.

Это ли не прекрасно? Двадцать четыре способа созерцания на Фудзи. Это поражает меня, так как можно было бы взять одну вещь в жизни и рассматривать ее с разных точек зрения, как фокус моего бытия, и, вероятно, как сожаление об упущенных возможностях.

Кит, я пришла, как однажды ты просил меня, но моим собственным путем и по моим собственным причинам. Я желала бы не делать этого, но ты лишил меня выбора. Таким образом, мой поступок не есть только мой, но и твой тоже. Теперь я поверну твою руку против тебя, представляя некий вид космического айкидо.

Я иду по городу после наступления темноты, выбирая самые темные улицы, где конторы уже закрыты. Так я в безопасности. Когда я должна войти в город, я всегда нахожу защищенные места днем, и прохожу по ним ночью.

Я нахожу маленький ресторан на углу такой улицы и съедаю свой обед. Это шумное место, но еда хорошая. Я принимаю лекарство и также немного сакэ.

После этого я позволяю себе удовольствие идти пешком, а не брать такси. Мой путь длинен, но ночь светла и полна звезд и воздух упоителен.

Я иду около десяти минут, слушая звуки дорожного движения, музыку дальнего радио, крики с других улиц, ветер, проносящийся высоко вверх.

Вдруг я чувствую внезапную ионизацию воздуха.

Ничего впереди. Я поворачиваюсь, взяв свой посох наизготовку.

Эпигон с телом шестилапой собаки и головой, похожей на огненный цветок, возникает в дверном проеме и движется вдоль дома в моем направлении.

Я слежу за его продвижением, пока он не оказывается достаточно близко. Я ударяю его, к сожалению, не тем концом. Мои волосы начинают подниматься, когда я пересекаю его путь, поворачиваюсь и ударяю снова. На этот раз металлический наконечник проходит через его растительную голову.

Я подключила батареи перед тем, как предприняла нападение. Разряд создает разность потенциалов. Эпигон отступает, его голова раздувается. Я наступаю и ударяю еще раз, теперь в середину тела. Оно раздувается еще больше, затем распадается на сноп искр. Но я уже повернулась и ударяю еще раз, так как почувствовала приближение другого.

Этот приближается в виде кенгуру. Я поражаю его моим посохом, но его длинный хвост ударяет меня, когда он проходит.

Я непроизвольно подскакиваю от шока, который я получила, мой посох рефлекторно поворачивается, когда я отступаю. Он поворачивается и ревет. Этот экземпляр имеет четыре ноги, и его передние конечности представляют собой фонтаны огня. Его глаза горят ярким пламенем.

Он опускается на задние ноги, затем снова прыгает.

Я подкатываюсь под него и атакую, когда он опускается. Но промахиваюсь, и он снова начинает атаку. Он прыгает и я ударяю вверх. Кажется, я попала, но не уверена.

Он приземляется совсем рядом со мной, поднимая свои передние конечности. Но на этот раз не прыгает. Он просто падает вперед, Задние конечности быстро дергаются, ноги, изменяют свою длину, принимая наиболее законченные очертания.

Как только он подходит, я ударяю его в середину тела нужным концом посоха. Он продолжает идти, или падать, даже когда расширяется и начинает распадаться. Его касание приводит к тому, что я деревенею на секунду и чувствую течение его заряда по моим плечам и груди. Я наблюдаю, как он превращается в первичную протоплазму и исчезает.

Я быстро поворачиваюсь, но третьего нет. По улице едет машина и тормозит. Неважно. Потенциал терминала на время истощен, хотя я озадачена тем, как долго он должен был работать, чтобы создать тех двоих. Будет лучше, если я быстренько уйду.

Как только я прихожу к этой мысли, из подъехавшей машины раздается голос, окликающий меня:

– Мадам, подождите минуточку.

Это полицейская машина, и молодой человек, который обращается ко мне, одет в полицейскую форму.

– Да, офицер?

– Я видел вас несколько мгновений тому назад. Что вы делали?

Я смеюсь.

– Такой прекрасный вечер и улица пустынна. Я подумала, что я могла бы сделать «ката» с моим «бо».

– Я сначала подумал, что кто-то напал на вас, потому что я увидел что-то...

– Я одна, как вы можете видеть.

Он открывает дверцу и выбирается наружу. Он включает фонарик и направляет его луч по сторонам, в дверной проход.

– Вы не зажигали фейерверк?

– Нет.

– Здесь были искры и вспышки.

– Вы, должно быть, ошиблись.

Он нюхает воздух. Очень тщательно проверяет тротуар и сточную канавку.

– Странно, – говорит он. – Далеко ли вам идти?

– Не очень далеко.

– Доброго вам вечера.

Он садится в машину. Через мгновение он едет по направлению к улице.

Я быстро иду своим путем. Я жажду оказаться в безопасности прежде чем образуется другой заряд. Я также хочу оказаться подальше отсюда просто потому, что испытываю здесь неловкость.

Я озадачена той легкостью, с какой меня обнаружили. Что я сделала не так?

– Мои картины, кажется, – говорит Хокусай, после того, как я достигаю места предназначения и выпиваю слишком много бренди. – Думай, дочка, или они выследят тебя.

Я пытаюсь, но Фудзи валится на мою голову и размазывает все мысли. Эпигоны танцуют на ее склонах. Я впадаю в прерывающуюся дремоту.

В свете завтрашнего дня я, может быть, увижу...

14. Вид горы Фудзи от Мегуро в Эдо

Картина снова не соответствует реальности. Она показывает крестьян среди простой деревни, террасированные склоны холмов, одинокое дерево, растущее на склоне холма справа, снежная вершина Фудзи частично заслонена холмом.

Я не могу найти что-то похожее на это, хотя я действительно имею частично заслоненный вид Фудзи – заслоненный похожим образом, со склона, – со стороны этой скамьи, на которой я сижу в старом парке. Так должно быть.

Гора частично закрыта, как и мои мысли. Есть что-то, что я должна была бы видеть, но это скрыто от меня. В те моменты, когда появляются эпигоны, они похожи на дьяволов, посланных схватить душу Фауста. Но я никогда не подписывала договора с Дьяволом... только с Китом, и это называлось замужеством. У меня нет способа узнать, сколь похоже это могло быть.

Сейчас...

Что меня больше всего интересует, так это то, что мое местоположение было обнаружено, несмотря на все мои предосторожности.

Мое предстоящее столкновение должно проходить на моих условиях, не как-нибудь иначе. Причина этого превосходит личное, хотя я не отрицаю его наличие.

В «Хагакуре» Ямамото Цунетомо сообщает, что Путь Самурая есть Путь Смерти, так что некто должен жить, хотя его тело уже мертво, для того, чтобы достичь полной свободы. Что касается меня, такую позицию не слишком сложно поддерживать. Однако свобода более сложна, так как когда не понимается истинная сущность врага, приходится действовать в условиях неопределенности.

Моя обожаемая Фудзи стоит во всей полноте, я знаю, несмотря на то, что я не вижу ее полностью. То же самое я могу сказать о той силе, которая сейчас противостоит мне. Давайте вернемся к смерти. Кажется, что тут что-то есть, хотя кажется также, что это только то, что уже сказано.

Смерть... Приди тихо... Мы любили играть в в одну игру, придумывая забавные причины смерти: «Съеден Лох-Несским чудовищем». «Затоптан Годзиллой». «Отравлен ниндзя». «Переведен».

Кит уставился на меня, сдвинув брови, когда я предложила последнюю причину.

– Что ты подразумеваешь под «Переведен»?

– О, ты можешь понимать меня технически, но я все-таки думаю, что эффект будет тот же самый. «Енох был переведен, так что он не мог видеть смерть» – Апостол Павел к Евреям, 11:5.»

– Я не понимаю.

– Это означает перенестись прямо на небо без обычного окончания жизни. Мусульмане верят, что Махди был переведен.

– Интересная мысль. Я должен подумать об этом.

Очевидно, он подумал.

Я всегда думала, что Куросава имел прорву работы с «Дон Кихотом». Предположим, есть старый джентльмен, живущий в настоящее время, схоласт, человек, восхищающийся временами самураев и Кодексом Бушидо. Предположим, что он так сильно сживается с этими идеалами, что однажды теряет чувство времени и приходит к мысли, что он и «есть» самурай старых времен. Он надевает старинные доспехи, берет свой меч-катана и идет, чтобы изменить мир. В конечном счете он будет уничтожен этим миром, но он поддерживает Кодекс. Эта его самоотверженность выделяет и облагораживает его, несмотря на всю его нелепость. Я никогда не считала, что «Дон Кихот» лишь пародия на рыцарство, особенно после того, как я узнала, что Сервантес участвовал под командованием Дона Жуана в битве при Лепанто в Австрии. На это можно возразить, что Дон Жуан был последним европейцем, который руководствовался рыцарской честью.

Воспитанный на средневековых романах, он и в жизни вел

себя подобным образом. Разве важно, что средневековых рыцарей больше нет? Он верил и действовал согласно своей вере. В ком-нибудь другом это было бы удивительно, но время и обстоятельства предоставили ему возможность действовать и он победил. Сервантес не смог бы, но он был под большим впечатлением и кто знает, насколько повлияло это на его позднейшие литературные попытки. Ортега-и-Гассет сравнивал Дон Кихота с Готическим Христом. Достоевский чувствовал то же самое и в своей попытке отразить Христа в князе Мышкине тоже понял, что сумасшествие есть необходимое условие для этого в наше время.

Все это преамбула к моей уверенности в том, что Кит был по крайней мере почти сумасшедший. Но он не был Готическим Христом.

Электронный Будда подходит больше.

– Имеет ли информационная сеть природу Будды? – однажды спросил он меня.

– Конечно, – ответила я. – А разве все остальное нет?

Тут я посмотрела в его глаза и добавила: – Откуда, черт побери, я могу знать?

Тут он проворчал что-то и откинулся в своем кресле, опустил индукционный шлем и продолжил свой машинный анализ шифра Люцифера при помощи 128-битового ключа. Теоретически могли бы понадобиться тысячелетия, чтобы расшифровать его без всяких ухищрений, но ответ дать нужно было в течение двух недель. Его нервная система срослась с информационной сетью.

Какое-то время я не слышала его дыхания. С недавнего времени я заметила, что после окончания работы он все больше времени проводит в размышлениях, оставаясь в контакте с системой.

Когда я поняла это, я упрекнула его тем, что он слишком ленив, чтобы повернуть выключатель.

Он улыбнулся.

– Поток, – сказал он. – Ты не можешь остановиться. Движешься вместе с потоком.

– Ты мог бы повернуть переключатель перед тем, как входишь в медитацию и прервать эту электрическую связь.

Он покачал головой, потом улыбнулся.

– Но это особенный поток. Я ухожу в него все дальше и дальше. Ты можешь как-нибудь попробовать. Были моменты, когда я чувствовал, что я мог бы перевести себя в него.

– Лингвистически или теологически?

– И так, и эдак.

И однажды ночью он действительно ушел с этим потоком. Я

нашла его утром, – как я думала, спящим, – на кресле со шлемом на голове. На этот раз он выключил терминал. Я не стала его будить.

Я не знала, как долго он работал ночью. Однако к вечеру я начала беспокоиться и попыталась разбудить его. Я не смогла. Он впал в кому.

Позднее, в госпитале, у него были гладкие ЭЭГ. Его дыхание было замедленным, давление очень низким, пульс еле прощупывался.

Он продолжал уходить все глубже в течение следующих двух дней.

Доктора проделали все мыслимые тесты, но не смогли определить отчего так произошло. Так как он однажды подписал документ, в котором отказывался от чрезвычайных мер по возвращению его к жизни, если с ним случится что-нибудь непоправимое, к нему не пытались применить искусственное дыхание, кровообращение и подобные штуки, когда его сердце остановилось в четвертый раз.

Вскрытие ничего не показало. Свидетельство о смерти гласило: «Остановка сердца. Вероятно, из-за разрыва мозговых сосудов.» Последнее было чистым домыслом. Они не нашли никаких признаков этого. Его органы не были использованы, как он завещал, из-за опасения возможности какого-то неизвестного вируса.

Кит, как Марли, был мертв, чтобы начать.

15. Вид горы Фудзи от Тсукудайима в Эдо

Голубое небо, несколько низких облаков, Фудзи за светлой водой залива, несколько лодок и островков между ними. Снова, несмотря на изменения во времени, я нахожу близкое соответствие с действительностью. Снова я в маленькой лодке. Однако сейчас у меня нет желания нырять в поисках затонувшего великолепия.

Мое прибытие на это место было непосредственным и без всяких происшествий. Поглощенной своими мыслями я приехала. Поглощенной своими мыслями я и осталась. Мое состояние хорошее. Мое здоровье не ухудшилось. Мои мысли остались теми же самыми, и это означает, что главный вопрос остался без ответа.

Наконец я чувствую себя в безопасности здесь, на воде. Хотя «безопасность» очень относительна. Конечно, «безопаснее», чем на берегу или среди возможных мест засады. Я никогда не была в безопасности с того дня, как вернулась из госпиталя...

Я вернулась домой безумно усталой, проведя несколько бессонных ночей в госпитале и сразу же легла в постель. Я не заметила время, поэтому не знаю, как долго я спала. В темноте меня разбудило нечто, похожее на телефонный звонок. Со сна я потянулась к телефону, но поняла, что никто не звонит. Приснилось? Я села на постели и потерла глаза. Потянулась. Недавнее прошлое медленно возвращалось в мое сознание и я

знала, что теперь я снова некоторое время не засну. Хорошо бы выпить чашечку кофе. Я поднялась, прошла на кухню и согрела воду.

Когда я проходила мимо рабочего места, я заметила, что терминал светится. Я не помнила, был ли он включен, когда я пришла, но подошла, чтобы выключить его.

Тут я увидела, что он не включен. Заинтригованная, я снова посмотрела на экран и в первый раз осознала, что на дисплее есть слова:

МЭРИ. ВСЕ В ПОРЯДКЕ. Я ПЕРЕВЕДЕН. ИСПОЛЬЗУЙ КРЕСЛО И ШЛЕМ. КИТ.

Я почувствовала, что мои пальцы сжали щеки, а дыхание пресеклось. Кто сделал это? Как? Может быть, этот сумасшедший бред оставлен Китом перед тем, как он потерял сознание?

Я подошла и несколько раз нажала переключатель, оставив его в положении «выключено».

Дисплей погас, но слова остались. Вскоре появилось новое изображение:

ТЫ ПРОЧИТАЛА МОЕ ПОСЛАНИЕ. ХОРОШО. ВСЕ В ПОРЯДКЕ. Я ЖИВ.

Я ВОШЕЛ В ИНФОРМАЦИОННУЮ СЕТЬ. СЯДЬ НА КРЕСЛО И НАДЕНЬ ШЛЕМ.

Я ВСЕ ОБЪЯСНЮ.

Я выбежала из комнаты. В ванной меня несколько раз вырвало.

Затем я села, дрожа. Кто мог бы так ужасно подшутить надо мной? Я выпила несколько стаканов воды и подождала, пока дрожь пройдет.

Успокоившись, я прошла на кухню, приготовила чай и выпила чашку. Мои мысли медленно приходили в равновесие. Я обдумала возможности. Одна из них, похоже, заключалась в том, что Кит оставил сообщение и если я надену шлем, это приведет в действие устройство. Я хотела получить это сообщение, но я не знала, хватит ли у меня сил прочитать его сейчас.

Я должна отложить это до лучших времен. За окном уже начинало светать. Я поставила чашку и вернулась к терминалу.

Экран все еще светился. Но сообщение было другим:

НЕ БОЙСЯ. СЯДЬ В КРЕСЛО И НАДЕНЬ ШЛЕМ. ТОГДА ТЫ ВСЕ ПОЙМЕШЬ.

Я подошла к креслу. Уселась и надела шлем. Сначала я ничего не слышала, кроме шума.

Затем я ощутила его присутствие, трудновыразимое ощущение потока информации. Я ожидала. Я старалась настроиться на то, что он мне хотел сказать.

– Это не запись, Мэри, – как мне показалось, сказал он. – Я действительно здесь.

Я не поддалась мгновенному желанию вскочить.

– Я сделал это. Я вошел в информационную сеть. Я нахожусь повсюду. Это чистое блаженство. Я поток. Это замечательно. Я буду здесь всегда. Это нирвана.

– Это действительно ты, – сказала я.

– Да. Я перевел себя. Я хочу показать тебе, что это значит.

– Ну, давай.

– Освободи свое сознание и позволь мне войти в него.

Я расслабилась и он вошел в меня. Тогда я все поняла.

16. Вид горы Фудзи от Утезава

Фудзи за лавовыми полями и ключьями тумана, движущиеся облака. Летящие птицы и птицы на земле. Этот вид, по крайней мере, похож. Я опираюсь на посох и смотрю на него. Впечатление как от музыки: я приобретаю силу способом, который не могу описать.

Я видела цветущие вишни по пути сюда, поля цветущего клевера, желтые поля цветущего рапса, выращиваемого на масло, несколько зимних камелий, все еще сохраняющих свои розовые и красные цветы, зеленые стрелки ростков риса, там и сям цветущие тюльпаны, голубые горы вдалеке, туманные речные долины. Я проходила деревни, где окрашенные листы металла теперь покрывают крыши вместо соломы – голубые и желтые, зеленые, черные, красные – и дворики, полные голубоватых обломков шифера, так прекрасно подходящих для садилов; корова, жующая свою жвачку, похожие на скалы ряды покрытой пластиком шелковицы, на которой кормятся шелковичные черви. Мое сердце билось в такт с окружением – черепицей, маленькими мостами, цветом... Это было похоже на вхождение в историю Лафкадио Херна для того, чтобы вернуться назад.

Мое сознание возвращается назад к моменту встречи с моим электронным проклятием. Предупреждение Хокуся о том, что вечером я выпила слишком много – так, что его картины могут поймать меня в ловушку – было очень верным. Кит несколько раз

предугадал мое передвижение. Как ему это удалось?

Наконец меня осенило. Моя маленькая книга репродукций Хокусая – карманное издание – было подарком Кита.

Возможно, что он ожидал меня в Японии примерно в это время из-за Осаки. Так как его эпигоны засекли меня пару раз, вероятно, путем сплошного сканирования терминалов, можно было сопоставить мое передвижение с последовательностью серии «Виды горы Фудзи» Хокусая, которая, как он знал, мне очень нравилась, и просто экстраполировать и ждать. Я думаю, что так оно и было.

Вхождение в информационную сеть вместе с Китом произвело на меня ошеломляющее впечатление. Я действительно не отрицаю, что мое сознание расплылось и поплыло. Я была во множестве мест одновременно, я скользила непонятным образом, так что сознание и сверхсознание и какая-то гордость были со мной и внутри меня как факт особенностей восприятия. Скорость, с которой я была увлечена, казалась мгновенной и во всем этом был вкус вечности. Доступ ко множеству терминалов и сверхмощная память создавали чувство всезнания. Возможность манипулирования всем в этом королевстве создавало представление о всемогуществе. А чувства... Я ощущала наслаждение, Кит со мной и внутри меня. Это был отказ от себя и возрождение, свобода от мирских желаний, освобождение...

– Оставайся со мной навсегда, – казалось, сказал Кит.

– Нет, – ответила я в полусне, ощутив себя изменившейся. – Я не могу отказаться от себя так охотно.

– Даже ради этого? Ради этой свободы?

– И этого замечательного отсутствия ответственности?

– Ответственности? За что? Это чистое существование? Здесь нет прошлого.

– Тогда исчезает совесть.

– Что за нужда в ней? Здесь нет и будущего.

– Тогда любое действие теряет смысл.

– Верно. Действие – это иллюзия. Последствие – тоже иллюзия.

– И парадокс торжествует над причиной.

– Здесь нет парадокса. Все согласовывается.

– Тогда умирает смысл.

– Единственный смысл – бытие.

– Ты уверен?

– Почувствуй это.

– Я чувствую. Но этого недостаточно. Пошли меня обратно, пока я не превратилась в то, чем я не желаю быть.

– Чего большего, чем это, ты могла бы желать?

- Моя фантазия тоже умрет. Я могу почувствовать это.
- А что такое фантазия?
- Нечто, порожденное чувствами и разумом.
- Но разве это состояние не ощущается?
- Да, оно ощущается. Но я не хочу такого чистого ощущения.

Когда чувство соприкасается с разумом, я вижу, что вместе это нечто большее, чем их сумма.

– Здесь ты имеешь дело со сложностью. Посмотри на информацию! Разве разум не подсказывает тебе, что теперешнее состояние намного выше того, которое ты знала несколько мгновений назад?

– Но я не доверяю и разуму в отдельности. Разум без чувства приводил человечество к чудовищным действиям. Не пытайся изменить меня таким образом!

– Ты сохранишь свой разум и свои чувства.

– Но они будут выключены – этой бурей блаженства, этим потоком информации. Мне нужно, чтобы они были вместе, иначе мое воображение потеряется.

– Да пусть оно теряется. Оно сослужило свою службу. Оставь его. Что можешь ты вообразить такого, чего здесь еще нет?

– Я еще не знаю и в этом сила воображения. Если бы во всем этом была бы искра божественности, я знала бы об этом только через воображение. Я могу отдать тебе что-нибудь другое, но здесь я не хочу сдаваться.

– И это все? Ключок возможности?

– Не только. Но и одного этого достаточно.

– А моя любовь?

– Твоя любовь больше не человеческая. Отпусти меня!

– Конечно. Ты подумаешь об этом и вернешься.

– Назад! Немедленно!

Я сорвала шлем с головы и вскочила. Я прошла сначала в ванную, потом к постели. Я спала очень долго, как со сновидением.

По иному ли я ощущала возможности, будущее, воображение, или я была беременна – я подозревала это, но не сказала ему, а он не спросил, увлеченный своими доводами? Мне хотелось бы думать, что мой ответ был бы тем же самым, но я никогда не смогу узнать.

Доктор подтвердил мои подозрения на следующий день. Я пошла к нему, так как моя жизнь требовала определенности – уверенности в чем-нибудь. Экран оставался пустым три дня.

Я читала и думала. На третий день на экране высветились слова:

ТЫ ГОТОВА?

Я напечатала слова:

НЕТ.

Я выдернула соединительный шнур из розетки.

Зазвонил телефон.

– Алло? – сказала я.

– Почему нет? – раздался его голос.

Я вскрикнула и повесила трубку. Он уже проник в телефонную сеть, сумел подобрать голос.

Снова звонок. Я снова сняла трубку.

– Ты не будешь знать отдыха, пока не вернешься ко мне.

– Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

– Я не могу. Ты часть меня. Я хочу, чтобы ты была со мной. Я люблю тебя.

Я повесила трубку. Он позвонил снова. Я сорвала телефон со стены.

Я поняла, что мне нужно быстро уехать. Я преодолела и подавила все воспоминания о совместной жизни, быстро собралась и переменила место жительства. Я сняла номер в отеле. Как только я в нем очутилась, зазвонил телефон и это снова был Кит. Моя регистрация прошла через компьютер и...

Я отключила свой телефон. Повесила табличку «Прошу не беспокоить». Утром я увидела телеграмму, подsunутую под дверь. От Кита. Он хотел поговорить со мной.

Я решила уехать подальше. Покинуть страну, вернуться в Штаты.

Ему было легко следовать за мной. Кабельная связь, спутники, оптическая связь были к его услугам. Как отвергнутый поклонник, он преследовал меня телефонными звонками, прерывал телевизионные передачи, чтобы высветить на экране свое сообщение, прерывал мои разговоры с друзьями, юристами, работодателями, магазинами. Несколько раз он даже присылал мне цветы. Мой электронный бодисатва, небесная гончая, он не давал мне отдыха. Это ужасно, быть замужем за вездесущей информационной сетью.

Поэтому я поселилась в деревне. В моем доме не было ничего такого, что он мог бы использовать для связи. Я изучала способы уклонения от системы.

В те немногие моменты, когда я теряла бдительность, он немедленно достигал меня. Однажды он научился новому фокусу, и я получила подтверждение, что он хочет забрать меня в свой

мир силой. Он научился накапливать заряд на терминале, формировать из него нечто, похожее на шаровую молнию в виде зверя и посылать эти короткоживущие творения на небольшое расстояние для выполнения его воли. Я обнаружила их слабое место в доме моих приятелей, когда один из них подошел ко мне, до смерти испугал и попытался оттеснить меня к терминалу, вероятно, для того, чтобы транслировать. Я ударила этого эпигона – так позднее Кит называл его в телеграмме с объяснениями и извинениями – тем, что было под рукой – горящей электрической лампой, которая погрузилась в его тело и немедленно замкнула цепь. Эпигон распался, а я поняла, что слабый электрический заряд создает неустойчивость внутри этих созданий.

Я оставалась в деревне и воспитывала дочь. Я читала и упражнялась в искусстве материнства, гуляла по лесам и взбиралась на горы, плавала на лодке: все деревенские занятия, и очень нужные мне после жизни, полной конфликтов, интриг, замыслов и противоборств, насилия – этот маленький островок безопасности от Кита. Я наслаждалась своим выбором.

Фудзи за полями лавы... Весна... Теперь я вернулась. И это не мой выбор.

17. Вид горы Фудзи от озера Сува

Итак, я добралась до озера Сува, Фудзи отдыхает вдалеке.

Озеро не производит на меня такого сильного впечатления, как Камагучи. Но оно безмятежно, что прибавляет моему настроению умиротворенности. Я ощутила аромат весенней жизни, и он распространился по всему моему существу. Кто бы мог разрушить этот мир, уничтожив первозданность? Нет. Не отвечайте.

Не в такой ли глухой провинции Бочан нашел свою зрелость? У меня есть теория, касающаяся книг, похожих на эту книгу Натсуме Сосеки. Кто-то однажды сказал мне, что это одна из книг, относительно которой можно быть уверенным, что каждый образованный японец прочитал ее. Поэтому я прочитала ее. В Штатах мне сказали, что «Гекльберри Финн» – одна из книг, относительно которой можно быть уверенным, что каждый образованный янки прочитал ее.

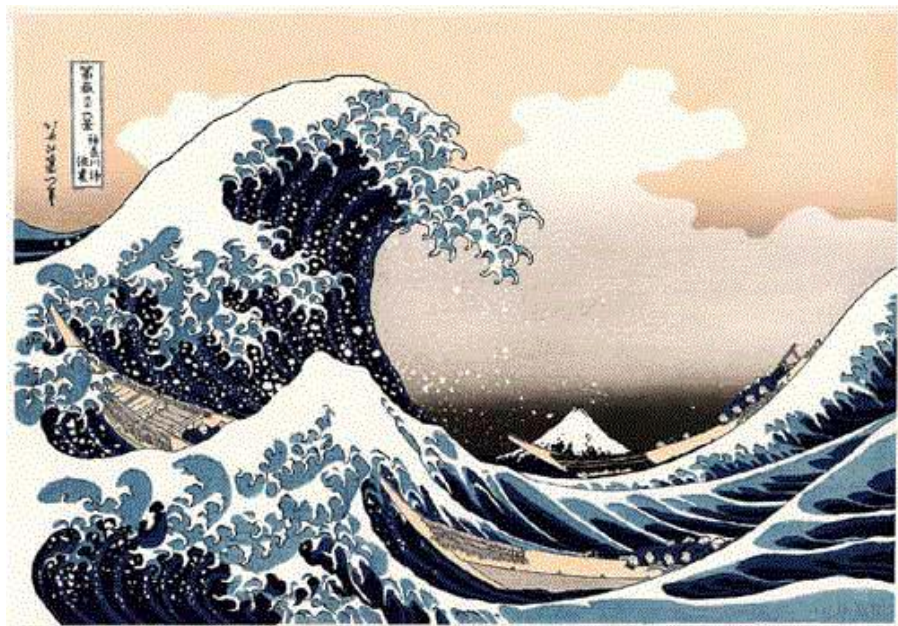
Поэтому я прочитала ее. В Канаде это был Стивен Леккок с его «Маленьким городом в солнечном свете.» А во Франции – Le Grand Meaulnes. В других странах были свои книги такого сорта. Все они близки к природе и описывают время перед урбанизацией и механизацией. Все это на горизонте и приближается, но служат лишь острой приправой к вкусу простых ценностей. Это юные книги, о национальном сердце и характере, о прошедшей невинности. Многие из них я оставила Кендре.

Я лгала Борису. Конечно, я знала о конференции в Осаке. Ко мне даже обратился один из прежних моих начальников с предложением сделать кое-что в этой области. Я отказалась. У меня были собственные планы.

Хокусай, привидение и наставник, ты понимаешь шансы и цели лучше Кита. Ты знаешь, что человечность должна окрашивать наши отношения со вселенной, и что это не только необходимость, но и благо, и только поэтому еще светит солнце.

Я вытаскиваю мое спрятанное лезвие и снова точу его. Солнце ушло с моей стороны мира, но и темнота тоже мой друг.

18. Вид горы Фудзи от Оффинг в Канагава

А это изображение смерти. Громадная Волна, почти поглотившая хрупкие суденышки. Одна из картин Хокусаё, которая известна всем.

Я не серфингист. Я не умею выбрать подходящую волну. Я просто остаюсь на берегу и смотрю на воду. Этого достаточно для воспоминаний. Мое паломничество близится к концу, но конец пока еще не виден.

Итак... Я вижу Фудзи. Назовем Фудзи концом. Как и с обручем на первой картине, цикл замыкается ею.

По пути сюда я остановилась в небольшой роще и совершила омовение в ручье, протекавшем через нее. Из находившихся поблизости веток соорудила низкий алтарь. Как обычно, во время путешествия, очищая руки, я поместила перед ним кадильницу, сделанную из камфорного дерева и белого сандала; я также поместила здесь венок из свежих фиалок, чашу с овощами и чашу со свежей водой из источника. Потом я зажгла лампу, которую купила и заполнила рапсовым маслом. На алтаре я поместила изображение бога Кокузо, которое принесла с собой из дома, повернув его в сторону запада, где я стояла. Я снова совершила омовение и вытянула правую руку, соединив средний и большой пальцы, произнося мантру, призывающую бога Кокузо. Я отпила глоток воды и продолжала повторять мантру. После этого я три

раза сделала жест Кокузо, рука на макушке, на правом плече, на левом плече, сердце и горле. Я развернула белую ткань, в которую было завернуто изображение Кокузо. Когда я все это проделала, я начала медитацию в той позиции, в которой Кокузо был изображен на картине. Через некоторое время мантра стала повторяться сама по себе, снова и снова.

В конце концов у меня было видение и я говорила, рассказывая все что произошло, что я собираюсь делать и прося о помощи и руководстве. Внезапно я увидела, как его меч опускается, опускается подобно медленной молнии, отсекает ветку от дерева, а она начинает кровоточить. И после этого начинает идти дождь, как в видении, так и в действительности, и я знаю, что это и есть ответ.

Я все закончила, прибрала, надела пончо и двинулась своим путем.

Был сильный дождь, ботинки промокли. Становилось холодно. Я тащила долго, и холод стал проникать до костей. Мои руки и ноги окоченели.

Я смотрела по сторонам в поисках укрытия, но вокруг не было ничего, где я могла бы переждать непогоду. Потом, когда дождь перешел из проливного в слабую морось, я заметила вдалеке что-то, похожее на храм или гробницу. Я направилась туда, надеясь на горячий чай, огонь, и возможность сменить носки и высушить ботинки.

Священник остановил меня у ворот. Я рассказала ему о моих трудностях, он, казалось, чувствовал себя неудобно.

– Наш обычай давать приют каждому нуждающемуся, – сказал он. – Но сейчас я в затруднении.

– Я буду счастлива внести вклад, если слишком многие, проходившие этим путем, истощили ваши запасы. Я действительно хочу только согреться.

– О нет, дело не в запасах, – он стал рассказывать мне, – не слишком много путников ходит этой дорогой. Проблема в другом и я затрудняюсь рассказать вам о ней. Мы прослышем старомодными и суеверными, хотя это действительно очень современный храм. Но сейчас нас посетили э-э – призраки.

– О?

– Да. Адские видения приходят из библиотеки и книгохранилища, расположенного за апартаментами настоятеля. Они шествуют по монастырю, проходят через наши комнаты, бродят по двору, затем возвращаются в библиотеку или исчезают прочь.

Он внимательно изучал мое лицо, пытаясь обнаружить насмешку, веру, неверие – что-нибудь. Я просто кивнула.

– Это очень неудобно, – добавил он. – Мы проделали несколько процедур изгнания злых духов, но безуспешно.

– Как давно это началось?

– Примерно три дня.

– Кто-нибудь пострадал от этого?

– Нет. Это очень обременительно, но никто не пострадал. Они отвлекают внимание – когда пытаешься заснуть или сосредоточиться, – так как вблизи них кожу начинает покалывать и волосы встают дыбом.

– Интересно. И много ли их?

– По-разному. Обычно один. Иногда два. Редко три.

– Нет ли случайно в вашей библиотеке компьютерного терминала?

– Да, есть. Как я уже сказал, мы очень современны. Мы держим там наши записи и с его помощью можем получить распечатки тех текстов, которых у нас нет. Ну и другие вещи.

– Если вы выключите терминал на несколько дней, они, вероятно, уйдут. И, скорее всего, больше не вернуться.

– Мне нужно посоветоваться с настоящим, прежде чем сделать это. Вы что-нибудь об этом знаете?

– Да, но прежде всего я хотела бы согреться, с вашего позволения.

– Да, конечно. Пройдите сюда.

Я проследовала за ним, почистив свои ботинки и сняв их перед входом. Он провел меня через заднюю часть дома в милую комнатку, выходящую в храмовый садик.

– Я пойду и прикажу приготовить для Вас еду и жаровню с углем, чтобы Вы могли согреться, – сказал он и удалился.

Предоставленная сама себе, я восхищенно смотрела на золотых карпов, плавающих в пруду, расположенном в нескольких футах от дома.

Дождевые капли падали на его поверхность, на маленький каменный мост над прудом, на каменную пагоду, на дорожки, выложенные камнем. Я хотела бы пройти по этому мосту – как непохож он на металлические, холодные и темные, – и затеряться здесь на век или два. Вместо этого я уселась и важно отпивала чай, который принесли мгновеньем позже, и согревала ноги, и сушила носки над жаровней, которую принесли после чая.

Позднее, когда я почти съела поданную еду и наслаждалась разговором с молодым священнослужителем, который попросил разрешения составить мне компанию, пока настоящий занят, я увидела моего первого эпигона.

Он напоминал очень маленького слона, гуляющего по одной из извилистых дорожек сада и нюхающего воздух по сторонам

своим змеевидным хоботом. Меня он пока не заметил.

Я указала на него священнику, который не смотрел в эту сторону.

– О господи! – воскликнул он, перебирая свои четки.

Когда он посмотрел в ту сторону, я повернула мой посох в нужную позицию.

Как только он подошел поближе, я поспешила доесть мою еду. Я боялась, что моя чашка может пострадать во время схватки.

Священник взглянул назад, когда он слышал движение посоха.

– Нет нужды делать это, – сказал он. – Как я уже объяснял, эти демоны не нападают.

Я покачала головой и проглотила еду.

– Этот будет нападать, как только почувствует мое присутствие. Видите ли, я именно та, кого они ищут.

– О господи! – повторил он.

Я подождала, пока он перестанет двигаться в моем направлении и направится к мостику.

– Он более плотный, чем обычно, – сообщила я. – Три дня, да?

– Да.

Я подошла к выходу и сделала шаг наружу. Он внезапно взлетел на мост и ринулся ко мне. Я встретила его острием, но ему удалось избежать его. Я повернула посох дважды и ударила его, когда он развернулся. Мои удары попали в цель, и я попала в грудь и в щеку. Эпигон исчез, как горящий водородный шар, а я осталась, потирая свое лицо и глядя вокруг.

Другой эпигон проскользнул в нашу комнату из внутренних покоев монастыря. Сделав внезапный выпад, я поразила его с первого удара.

– Я думаю, мне пора двигаться, – сказала я. – Спасибо за Ваше гостеприимство. Передавайте мои извинения настоятелю, за то что я не смогла встретиться с ним. Я согрелась и насытилась и узнала все, что хотела, о ваших демонах. Можете не беспокоиться о терминале. Вероятно, они скоро перестанут посещать вас и больше не вернутся.

– Вы уверены?

– Я это знаю.

– Я не знал, что терминал – источник демонов. Продавец ничего не сказал нам.

– Ваш теперь будет в порядке.

Он проводил меня до ворот.

– Спасибо Вам за изгнание дьяволов.

– Спасибо за еду.

Я шла несколько часов, пока нашла место для лагеря в пещере, воспользовавшись своим пончо для укрытия от дождя.

И сегодня я пришла сюда, чтобы наблюдать за волной смерти.

Хотя, не только. Такой большой на море нет. Моя еще где-то там.

19. Вид горы Фудзи от Шихиригабама

Фудзи за соснами, в тени, за ней поднимаются облака... Все идет к вечеру. Погода сегодня хорошая, мое здоровье тоже.

Я встретила двух монахов и шла вместе с ними некоторое время. Я была уверена, что где-то их видела, поэтому я поздоровалась с ними и спросила, возможно ли это. Они ответили, что они совершают свое собственное паломничество к дальнему монастырю и допускают, что я тоже выгляжу знакомой. Мы вместе перекусили на обочине. Наш разговор ограничивался общими местами, хотя они спросили, что я слышала о привидениях в Канагава. Как быстро распространяются слухи подобного рода. Я сказала, что знаю, и мы вместе поговорили об этих странностях.

Через какое-то время я забеспокоилась. Каждый поворот моего пути оказывался также и их путем. Когда меня приглашают на короткое время, у меня нет желания к долговременному времяпрепровождению, а их путь оказывался уж слишком совпадающим с моим. В конце-концов, когда мы подошли к развилке, я спросила, по какой дороге они пойдут. Они колебались, затем сказали, что пойдут направо. Я выбрала левый путь. Через некоторое время они присоединились ко мне, сказав, что изменили свое решение.

Когда мы подошли к городу, я остановила машину и предложила водителю порядочную сумму, чтобы он отвез меня в

деревню. Он согласился и мы уехали, оставив их на дороге.

Я остановила машину, прежде чем мы доехали до следующего города, заплатила ему и наблюдала, как он отъехал. Тогда я свернула на тропинку, идущую в нужном направлении. Через некоторое время я сошла с тропинки и пошла прямо по лесу, пока не наткнулась на другую дорогу.

Я остановилась поблизости от дороги, на которую вышла в конце-концов, а на следующее утро позаботилась о том, чтобы уничтожить все следы моего пребывания здесь. Монахи не появлялись. Может быть, они вполне безопасны, но я должна доверять моей тщательно культивируемой паранойе.

Которая привела меня к тому, что я заметила этого человека вдалеке – европейца, я думаю, судя по его одежде... Он время от времени останавливался, делая фотоснимки. Конечно, я вскоре уйду от него, если он следил за мной – или даже если нет.

Ужасно, что приходится слишком долго быть в таком положении. Скоро я начну подозревать школьников.

Я смотрела на Фудзи, когда тени удлинялись. Когда появились первые звезды, я все еще смотрела. Так я ускользну прочь.

Я увидела, что небо темнеет. Фотограф собрал свои инструменты и ушел.

Я оставалась на чеку, но когда я увидела первую звезду, я соединилась с тенями и угасла, как день.

20. Вид горы Фудзи с перевала Инуме

Сквозь туман и над ним. Дождь прошел чуть раньше. Вот Фудзи, тучи на ее челе. Этот вид производит достойное впечатление.

Я сижу на поросшей мохом скале и стараюсь запомнить все изменения вида Фудзи, когда быстрый дождь занавешивает ее, прекращается, начинается снова.

Дует сильный ветер. Снизу ползет туман. Царит оцепенелое молчание, нарушаемое лишь монотонным заклинанием ветра.

Я устраиваюсь поудобнее, ем, пью, смотрю, и снова продумываю мои последние планы. Все идет к концу. Скоро цикл замкнется.

Раньше я думала о том, чтобы выбросить здесь свои медикаменты в знак того, что обратной дороги нет. Сейчас я думаю об этом как о глупом романтическом жесте. Мне нужна вся моя сила, вся поддержка, которую я могу получить, чтобы у меня были шансы на успех. Вместо того, чтобы выбросить лекарства, я принимаю таблетку. Надо мной дуют ветры. Они накатываются волнами, но охватывают целиком.

Несколько путешественников проходят ниже. Я отклоняюсь назад, скрываясь из их поля зрения. Они проходят как привидения, их слова относит ветром, они даже не долетают до меня. У меня возникает желание запеть, но я себя останавливаю.

Я сижу довольно долго, уйдя в свои мысли. Так хорошо

путешествовать в прошлом, прожить жизнь еще раз...

Подо мной. Другая таинственно знакомая фигура появляется в поле зрения, таща снаряжение. Я не могу разглядеть ее отсюда, да и не надо. Так как он останавливается и начинает разворачивать свое снаряжение, я знаю, что это фотограф из Шихиригахамы, пытающийся запечатлеть еще один вид Фудзи.

Я наблюдаю за ним некоторое время и он даже не глядит в мою сторону. Скоро я уйду, не узнав его. Я могу допустить, что это совпадение. На время, конечно. Если я увижу его снова, мне, должно быть, придется убить его. Я слишком близка к цели, чтобы допустить даже возможность существования пересечения.

Я решаю двинуться сейчас, так как лучше путешествовать перед ним, а не после него.

Фудзи-на-высоте, это было хорошее место для отдыха. Мы скоро увидимся снова.

Пойдем, Хокусай, пора идти.

21. Вид горы Фудзи от гор Тотоми

Ушли старые лесорубы, разрезающие стволы на доски, придающие им форму. Только Фудзи, заснеженная и покрытая тучами, осталась. Мужчины на картине работают по-старому, как бондарь Овари.

Кроме тех картин, на которых изображены рыбаки, живущие в гармонии с природой, это одна из тех двух картин в моей книге, на которых изображены люди, активно меняющие мир. Их работа слишком обычна для меня, чтобы видеть в ней изображение Девственности и Движения. Они, должно быть, делали ту же работу за тысячу лет до Хокуся.

Все же это сцена человеческого преобразования мира, и это ведет меня вглубь веков от нашего времени, времени изощренных орудий и крупномасштабных изменений. Я вижу в этом изображении то, что будет сделано потом, металлическую кожу и пульсирующую информацию нашего мира. И Кит тут же, богоподобный, оседлавший электронные волны.

Беспокойство. С точки зрения античной жизнерадостности, существующее положение не более чем мгновение в человеческой истории и независимо от того, выиграю ли я или буду побеждена, останется грубая материя, которая победит, несмотря на любые препятствия. Я действительно хочу верить в это, но я должна оставить подробности политикам и проповедникам. Мой путь

лежит отдельно и определяется моим видением того, что должно быть сделано.

Я больше не видела фотографа, хотя вчера заметила монахов, остановившихся на отдых на дальнем холме. Я рассмотрела их в мою подзорную трубу и обнаружила, что это те же самые монахи, с которыми я уже сталкивалась. Они не заметили меня, и я постараюсь сделать так, чтобы наши пути больше не пересекались.

Фудзи, я вобрала в себя двадцать один твой вид. Чуть пожить, чуть умереть. Скажи богам, если ты об этом думаешь, что мир почти умер.

Я иду пешком и рано останавливаюсь на ночлег в поле рядом с монастырем. Я не хочу входить туда из-за последнего случая. Укладываюсь в укромном месте рядом, среди скал и проростков сосны.

Сон приходит быстро.

Я пробуждаюсь внезапно и дрожу в темноте и безмолвии. Я не могу вспомнить, что меня разбудило, какой-то звук или сон. Но я так испугана, что готова бежать. Я стараюсь успокоиться и жду.

Что-то движется, как лотос в пруду, позади меня, затем надо мной, одетое в звезды, светящееся своим молочным, потусторонним светом. Это утонченное изображение бодисатвы, чем-то похожей на Каннон, в одеждах из лунного света.

– Мэри.

Его голос нежен и заботлив.

– Да?

– Ты вернулась, чтобы путешествовать по Японии? Ты пришла ко мне, не так ли?

Иллюзия разрушилась. Это Кит. Он тщательно подготовил этого эпигона. Наверно, в монастыре есть терминал. Попытается ли он применить силу?

– Да, я на пути, чтобы увидеть тебя, – нашла я.

– Ты можешь соединиться со мной сейчас, если хочешь.

Он протянул чудесно изваянную руку, как будто для благословения.

– Мне осталось совсем немного сделать, прежде чем мы соединимся.

– Что может быть более важным? Я видел медицинские записи. Я знаю о твоём состоянии. Это будет трагедия, если ты умрешь на дороге, так близко от своего освобождения. Приди сейчас.

– Ты ждал так долго и время для тебя так мало значит.

– Я забочусь о тебе.

– Я уверяю тебя, я должна сделать необходимые приготовления. Между прочим, кое-что беспокоит меня.

– Расскажи мне.

– В прошлом году была революция в Саудовской Аравии. Это казалось хорошим для них, но испугало японских импортеров нефти. Внезапно новое правительство стало выглядеть в газетах очень плохим, а новая контрреволюционная группа оказалась более сильной и лучше подготовленной, чем была на самом деле. Главные силы выступили на стороне контрреволюционеров. Сейчас они у власти, но оказались гораздо хуже, чем первое правительство, которое было свергнуто. Кажется возможным, но непостижимым, что все компьютеры мира были каким-то образом введены в заблуждение. А сейчас проходит конференция в Осаке, на которой должно быть выработано новое соглашение по нефти с последним правительством. Кажется Япония будет иметь хорошую долю в этом. Ты однажды сказал, что ты вне этих мирских забот, или я ошибаюсь? Ты японец, ты любишь свою страну. Ты мог бы участвовать в этом?

– Что, если да? Это так мало значит в свете вечных ценностей. Если подобные сантименты и остались во мне, нет ничего недостойного в том, что я предпочитаю свою страну и свой народ.

– Но если ты сделал это сейчас, что помешает тебе однажды вмешаться снова, когда обычай или чувства подскажут тебе, что ты мог бы?

– Что из того? – ответил он. – Я только протянул палец и слегка стер пыль иллюзий.

– Я вижу.

– Я сомневаюсь, что это так, но ты сможешь увидеть, когда соединишься со мной. Почему бы не сделать это сейчас?

– Скоро, – сказала я. – Дай мне закончить мои дела.

– Я дам тебе несколько дней, но потом ты должна быть со мной навсегда.

Я склонила голову.

– Я скоро снова увижу тебя.

– Спокойной ночи, любовь моя.

– Спокойной ночи.

После этого он удалился. Его ноги не касались земли и он прошел через стену монастыря.

Я приняла мое лекарство и бренди. Двойную дозу каждого...

22. Вид горы Фудзи от горы Сумида в Эдо

Так я пришла к месту перевоза. Картина показывает паромщика, везущего множество людей в город. Вечер. Фудзи лежит темная и грустная на далеком расстоянии. Здесь я действительно думаю о Хароне, но мысли не доставляют беспокойства, как раньше. Я пройду по мосту сама.

Так как Кит оказал мне благосклонность, я свободно иду по широким улицам, воспринимаю запахи, слышу шум и наблюдаю людей, идущих по своим делам. Я думаю, что Хокусай мог бы делать в наше время? Он по природе молчун.

Я немного выпила, я улыбаюсь без причины, я даже ем вкусную еду. Я устала от переживания своей жизни. Я не ищу утешения в философии или литературе. Я просто гуляю по городу, моя тень скользит по лицам и витринам, барам и театрам, храмам и конторам. Любой, кто приближается, сегодня желанен. Я ем «сухи», играю в азартные игры, я танцую. Для меня сегодня нет вчера, нет и завтра. Когда мужчина кладет руку на мое плечо, я притягиваю его к себе и смеюсь. Он хорош для часового упражнения и смеха в маленькой комнатенке, которую он находит для нас. Я сделала так, что он несколько раз закричал, прежде чем я покинула его, хотя он умолял меня остаться. Слишком много нужно сделать и увидеть, милый. Здравствуй и

прощай.

Я иду... По паркам, аллеям, садам, площадям. Пересекаю...

Маленькие и большие мосты, улицы, тропинки. Лодка, собака. Крик, ребенок. Плач, женщина. Я прохожу среди вас. Я ощущаю вас с бесстрастной страстью. Я вбираю в себя всех, так как на эту ночь я могу вобрать весь мир.

Я иду под легким дождем и по холоду, который наступает после него. Моя одежда промокает, затем высыхает. Я захожу в храм. Я плачу таксисту, чтобы он провез меня по городу. Я ужинаю. Захожу в другой бар. Прохожу по пустынным игровым площадкам, где я смотрю на звезды.

И я останавливаюсь перед фонтаном, посылающем воду в светлеющее небо до тех пор, пока звезды исчезают и только их последние лучи падают на меня.

Потом завтрак и долгий сон, снова завтрак и еще более длинный сон...

А ты, мой отец, в грустной вышине? Я скоро покину тебя, Хокусай.

23. Вид горы Фудзи от Эдо

Снова гуляю, ненастным вечером. Сколько времени прошло с тех пор, как я разговаривала с Китом? Думаю, слишком много. Эпигон может появиться на моем пути в любой момент.

Я сузила мои поиски до трех храмов – ни один из них не изображен на картине, если быть точным, только верхушка какого-то из них под невозможным углом, Фудзи за ней, дымящаяся, тучи, туман.

Я проходила мимо них много раз, как кружащая птица. Я не хочу больше делать этого, так как я чувствую, что правильный выбор скоро будет сделан. Некоторое время тому назад я поняла, что за мной кто-то идет, действительно идет, по всем моим кругам.

Кажется, мои худшие опасения не беспочвенны: Кит использует людей так же, как и эпигонов. Как нашел их и что он пообещал им, я не берусь угадывать. Кто еще мог бы следить за мной в этом месте, наблюдать, как я держу обещание и применить силу в случае необходимости?

Я замедляю свои шаги. Но кто бы ни был за мной, он делает то же самое. Еще нет. Отлично.

Расстилается туман. Эхо моих шагов тонет в нем. И шаги моего преследователя тоже. К несчастью.

Я направляюсь к другому храму. Я снова замедляю шаги, все

мои чувства обострены.

Ничего. Никого. Все в порядке. Время не проблема. Я двигаюсь.

Через долгое время я приближаюсь к третьему храму. Это должен быть он, но мне нужно, чтобы мой преследователь выдал себя каких-нибудь звуком. После этого, конечно, я должна буду разделаться с этой персоной, прежде чем двигаться дальше. Я надеюсь, что это будет не слишком трудно, так как все может измениться из-за этого небольшого столкновения.

Я снова замедляю шаги и никто не появляется, только влага тумана на моем лице и руки обхватили посох. Я останавливаюсь.

Ищу в кармане пачку сигарет, которую я купила во время моего недавнего праздника. Я сомневаюсь, чтобы они могли укоротить мою жизнь.

Когда я подношу сигарету к губам, я слышу слова:

– Вам нужен огонь, мадам?

Я киваю и поворачиваюсь.

Один из тех двух монахов щелкает зажигалкой и подносит мне огонек. Я в первый раз замечаю грубые мозоли по краю его ладоней. Он их держал от глаз подальше, пока мы путешествовали вместе. Другой монах появился за ним, слева.

– Спасибо.

Я выдыхаю и посылаю дым на соединение с туманом.

– Вы прошли большой путь, – говорит мужчина.

– Да.

– И Ваше паломничество пришло к концу.

– Да? Здесь?

Он улыбается и кивает. Поворачивает голову в сторону храма.

– Это наш храм, где мы поклоняемся новому бодисатве. Он ожидает Вас внутри.

– Он может подождать, пока я докурю.

– Конечно.

Как бы ненароком, я изучаю мужчину. Он, вероятно, очень хорош в карате. Но я сильна в «бо». Если бы он был один, я была бы уверена в себе. Но их двое, и второй, наверное, так же силен, как и первый. Кокузо, где твой меч? Я внезапно испугалась.

Я отвернулась, отбросила сигарету. Сделала первый выпад.

Конечно, он был готов к этому. Неважно. Я ударила первой.

Но другой стал подходить сзади и я должна двигаться в оборонительной позиции.

Я услышала хруст, когда попала по плечу. Кое-что, в конце-концов...

Я медленно продвигалась к стене храма. Если я подойду

слишком близко, она будет мешать мне наносить удары. Я снова попыталась нанести решающий удар...

Внезапно человек справа от меня согнулся, темная фигура появилась за его спиной. Нет времени на размышление. Я сосредоточила внимание на первом монахе, нанеся удар, затем еще один.

Тот, кто пришел мне на помощь, был не столь удачлив. Второй монах оглушил его и начал наносить удары, ломающие кости. Мой союзник кое-что знал о борьбе без оружия, так как он стал в оборонительную позицию и блокировал многие из них, иногда даже нанося свои удары. Но он явно проигрывал.

Наконец я нанесла ногой другому удар в плечо. Я три раза пыталась ударить моего противника, пока он был на земле, но все три раза он уворачивался. Я услышала короткий вскрик справа, но не могла отвести взгляд от своего противника.

Он поднялся, и на этот раз я поймала его внезапным обманным движением и нанесла смертельный удар по голове. Затем развернулась, и во-время, так как мой союзник лежал на земле, а второй монах был рядом со мной.

Или я была удачливой, либо он был сильно ранен, но я быстро разделалась с ним, проведя серию быстрых ударов.

Я поспешила к третьему мужчине и опустилась на колени, тяжело дыша. Я заметила его золотую серьгу во время схватки со вторым монахом.

– Борис.

Я взяла его руку.

– Почему ты здесь?

– Я сказал тебе, у меня есть несколько свободных дней, чтобы помочь тебе, – сказал он, кровь стекала из уголка его рта.

– Нашел тебя. Фотографировал... И смотри... Я тебе понадобился.

– Прости меня. Ты лучше, чем я думала.

Он сжал мою руку.

– Я говорил тебе, что ты мне нравишься, Марьюшка. Слишком плохо... у нас не было – больше времени...

Я наклонилась и поцеловала его, ощутив кровь на губах. Его рука разжалась. Я никогда не была знатоком людей.

И так я поднялась. Я оставила его там, на мокром асфальте.

Я ничего не могу сделать для него. Я иду в храм.

У входа темно, но внутри достаточно света от свечей. Я никого не вижу. Не думаю, что кто-то должен быть здесь. Здесь были только эти два монаха, которые должны были притащить меня к терминалу. Я иду по направлению к свету. Это должно быть где-нибудь сзади.

Я слышу, как дождь шуршит по соломенной крыше. Здесь несколько маленьких комнаток за светом.

Наконец, я нахожу то, что искала. Это во второй комнате. И я даже не переступая порога, по ионизации чувствую, что Кит где-то здесь.

Я прислоняю мой посох к стене и подхожу ближе. Кладу руки на тихо жужжащий терминал.

– Кит, – говорю я, – я пришла.

Передо мной нет эпигонов, но я чувствую его присутствие, и кажется, что он говорит мне, как в ту ночь, очень давно, когда я сидела в кресле с надетым шлемом:

– Я знал, что ты будешь здесь сегодня.

– И я тоже, – отвечаю я.

– Все твои дела сделаны?

– Большинство из них.

– Сегодня ты готова соединиться со мной?

– Да.

Снова я чувствую это движение, почти сексуальное, когда он перетекает в меня. В этот момент он мог бы выиграть.

«Татема» – это то, что вы показываете другим. «Хонне» – это ваше действительное намерение. Как Мусачи предупреждал в Книге Вод, я стараюсь не обнаружить моего «хонне» в этот момент. Я просто протягиваю руку и роняю мой посох так, что его металлический конец, подключенный к батареям, падает на терминал.

– Мэри! Что ты сделала? – спрашивает он, когда жужжание прекращается.

– Я отрезала твой путь к отступлению, Кит.

– Почему?

– Это единственный выход для нас. Я даю тебе этот «джигай», мой муж.

– Нет!

Я чувствую, как он захватывает контроль над моими руками.

Но слишком поздно. Они уже движутся. Я чувствую, как лезвие входит в мое горло, в правильном месте.

– Дура! – кричит он. – Ты не знаешь, что ты сделала! Я не смогу вернуться!

– Я знаю.

Когда я тяжело опускаюсь на терминал, мне кажется, что я слышу ревуший звук за моей спиной. Это Большая Волна, наконец пришедшая для меня. Я единственно сожалею, что я не сделала этого на последней станции, если, конечно, это то, что Хокусай пытается показать мне, за маленьким окном, за туманом и дождем и ночью.

